Вера Камша

Башня ярости

Книга первая

ЭКСМО

Вера Викторовна Камша

Башня Ярости. Книга 1. Чёрные маки

Серия «Хроники Арции», книга 5

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129291
Камша В.В. Башня ярости. Книга первая. Черные маки (Хроники Арции).: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-03516-8

Аннотация

Ничто не предвещает бури...

Но приближается время исполнения пророчеств.

Лишь те, кто видит больше обычных смертных, давно следят за наползающим безумием. Безумием, в которое будут вовлечены все жители Тарры – мирийцы и таянцы, атевы и эландцы, эльфы и орки, старые хранители и новые силы, родившиеся на больной земле.

В сумерках лжи и предательства брезжит свет трех звезд. Свет, что озарит дорогу тем, для кого честь и долг не пустые слова.

Время, когда каждому придется сделать выбор, пришло.

Но так далеко не суждено заглянуть даже прорицателям...

Содержание

ВМЕСТО СИНОПСИСА, или Что было раньше 5
Башня Ярости. 48
ПРОЛОГ 48
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 50
2895 год от В.И. 11-й день месяца Дракона 50
2895 год от В.И. 11-й день месяца Дракона 55
2895 год от В.И. 11-й день месяца Дракона 58
2895 год от В.И. Вечер 9-го дня месяца Собаки 62
2895 год от В.И. Вечер 9-го дня месяца Собаки 69
2895 год от В.И. Утро 10-го дня месяца Собаки 71
2895 год от В.И. Утро 10-го дня месяца Собаки 77
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 82
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 87
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 91
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 93
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 98
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 106
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 110
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 115

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 117
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 119
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 122
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 125
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 128
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 131
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 133
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 135
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 136
2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки 143
2895 год от В.И. Вечер 10-го дня месяца Собаки 150
2895 год от В.И. Вечер 10-го дня месяца Собаки 156
Конец ознакомительного фрагмента. 158

Вера Камша
Хроники Арции Летопись 5
Башня Ярости.
Книга 1. Черные маки

ВМЕСТО СИНОПСИСА,
или Что было раньше

Но мы до сих пор не забыли,
Хоть нам и дано забывать…
Н. Гумилев

Эмзар Снежное Крыло отошел от окна, за которым алыми птицами кружились кленовые листья. Скоро зимнее серебро вытеснит осеннее многоцветье, чтобы в назначенный срок уступить весенней зелени, затем весна станет летом, а лето – осенью… Так было и так будет, если, разумеется, не исполнится Пророчество, предрекающее Тарре конец. Эмзар не хотел, чтоб оно исполнилось.

Эльф задумчиво коснулся темных волос, складывая в уме первую фразу. Он давно собирался записать историю этого мира, но всякий раз что-то мешало. Эмзар вздохнул, под-

считав, сколько человеческих и гоблинских жизней унесла река Времени с тех пор, как он решил рассказать о том, что бессмертные предпочли забыть, а смертные не знали, да и не могли знать. Сегодня он наконец возьмется за перо – обитатели Тарры имеют право на правду, по крайней мере, некоторые из них. Он и так слишком долго мешкал, не потому ли, что некоторые деяния Детей Звезд не украшали, или же дело в том, что в памяти каждого думающего и чувствующего есть то, к чему слишком больно прикасаться? Конечно, можно обойти неприятное, как лесной зверь обходит капканы и ловушки, но это бесчестно…

Эмзар опустил струящиеся серебристые занавеси, возведя преграду между собой и догорающей осенью, и присел у небольшого белого стола. Разумеется, он не сможет написать обо всем – он не хронист и не стихотворец, способный вместить в один сонет целую эпоху, но сказать о главном необходимо. О том, как и почему Тарра оказалась на краю пропасти. Снежное Крыло обмакнул перо в чернильницу из белого камня, на мгновение прикрыл глаза, собираясь с мыслями, улыбнулся, словно отвечая на реплику незримого собеседника, и на белый лист легли сапфировые строки.

«Я – эльф из клана Лебедя, но пишу на языке смертных обитателей Арции, так как больше всех от злонамеренной лжи страдают именно люди. Гоблины слишком простодушны и честны, чтоб из корысти изменять прошлое, а мы, по-

следние эльфы Тарры, не забудем, хоть нам и дано забывать.

Мой рассказ обращен к тем, кто понимает, что будущее вырастает из минувшего. Я родился в иную эпоху и помню многое и многих. Старше меня лишь утратившая Силу, но не мудрость Иллиэль, но даже она увидела Свет в этом мире. О том, как была завоевана Тарра, я пишу с чужих слов. В те года, от которых не осталось даже снов, покровительницей клана Лебедя была Адена-Дева, чье имя ныне носит величайшая из рек Арции, да и сама Арция обязана своим названием первому из Ушедших.

Всего же Светлых богов, захвативших Тарру и долгие годы правивших ею именем Света, было семеро – пятеро братьев и две сестры. Старшим был Арцей, повелитель Солнца, Пламени и Молний. Остальные признавали его власть, но любви и согласия меж Светозарными не было никогда.

Больше других Владыка Арцей опасался своего брата Ангеса, бога Войны, Холодного Железа и Прощения. Волк и полная Луна были его символами, и сам он был похож на одинокого волка, бесстрашного и свободного. Воин не желал властвовать, но в той же мере не желал и подчиняться. Ангеса привлекало Запретное и Неведомое, он искал не подданных, но друзей, и первым из них стал Ларэн, сын и наследник третьего по счету владыки избранного Воином эльфийского клана, клана Серебряной Луны.

Нет сомнения, что Воин оставил бы своих собратьев и один либо с Ларэном пошел бы своей дорогой, но его, как

и многих, смертных ли, нет ли, связала любовь. Сердце Ангеса принадлежало его сестре Адене, а Адена долгое время следовала за Арцеем.

Я не знаю, как глаза Светозарных обратились к Тарре, но Свет принял решение, и все остальное случилось. Я родился много позже, но моя мать Залиэль Ночная Фиалка и мой отец Мэиран Летящая Звезда помнили захват Тарры, хоть и не любили об этом рассказывать. Рати Светозарных вторглись в созданный иными силами мир. Прежние хозяева встретили чужаков на Трагайском поле. Они сражались храбро, но силы были слишком неравны. Ангес своей рукой сразил Омма, отца первых богов Тарры, и многих из его детей. Если б не Воин, у Прежних еще была бы надежда, но повелитель Холодного Железа, вступая в бой, был обречен на победу.

С поля не вернулся никто из Прежних. Тарра созревшим яблоком упала в руки пришельцев, и в мире, который я почитаю родным, настала эпоха Света. Была ли она счастливей Прежней эпохи, сказать трудно, но последующие события превратили Тарру в кровоточащую рану.

О том, что случилось после Трагайской битвы, стало известно спустя тысячи лет, когда были забыты и имена побежденных, и имена победителей, но нет и не может быть полной победы, как не может быть полного поражения. Бессмертные часто развлекаются со смертными. Иногда судьба им мстит, наказывая истинной любовью, но на сей раз прихоть бога стала важнейшим из содеянного им. Так вышло,

что накануне вторжения Светозарных один из сыновей Омма встретил девушку из рода людей. Гоблины называют ее Инта, но наверняка сородичи произносили это имя иначе. Инта стала возлюбленной бессмертного, и он, нарушив неписаный закон, взял ее с собой. Он хотел показать мимолетной подруге победу, а показал смерть.

Я не знаю, какой была эта девушка. Видимо, достаточно красивой, чтобы вызвать желание у бога. Красота сердца не так заметна, как красота лица и тела, но Инта обладала ей в полной мере. Она не бежала, хотя зрелище, которое ей предстало, было ужасным. Любовь, если она сильна, без страха шагнет в любую пропасть. Инта решила отыскать своего возлюбленного, живого ли, мертвого ли.

На краю заваленного телами поля девушка встретила мою будущую мать. Залиэль уже тогда была любимицей Адены, открывшей ей многое, ведомое лишь высшим. Почему Дева так поступила – неведомо никому. Мысли Ангеса были ясны и открыты, как извлеченный из ножен клинок, намерения Адены скрывали глубокие воды, а Залиэль Ночная Фиалка была достойна приблизившей ее богини.

Не берусь решать, чем был вызван поступок моей матери – жалостью, предвидением или чем-то иным, но владычица Лебедей провела Инту сквозь воздвигнутый по приказу Светозарных барьер. Позднее тела убитых пожрала тварь, призванная из иных миров. Это было разумно, так как, попав в лоно Тарры, останки ее создателей могли дать опасные всхо-

ды, и это было отвратительно и недостойно тех, кто почитал себя Добром. Но я отвлекся.

Инта нашла того, кого искала, и – чудо из чудес – он был жив, хоть и жестоко изранен. Сын Омма умер на руках любившей его, передав ей свой меч, который та унесла с собой. И вновь Залиэль ее не остановила.

Достался Инте и другой дар. Ее любовь, как бы коротка она ни была, дала плоды. О дальнейшей судьбе женщины известно мало. Она не вернулась домой, а нашла приют у гоблинов и спустя какое-то время родила близнецов – мальчика и девочку.

Надо сказать, что гоблины (сами они называют себя орками), в отличие от людей, не признали новых владык, сохранив верность памяти Омма. Орки позаботились о тех, в чьих жилах текла кровь Прежних, но для них самих настали суровые времена. Арцей решил оставить гоблинам жизнь, но не думаю, что из милосердия. Для того чтоб успешно править разумными созданиями, им нужно дать врагов. Орки презирали людей, ненавидели эльфов, отличались внешне и от первых, и от вторых и поклонялись проигравшим. Их назвали Злом, а они в свою очередь нарекли Злом Свет, склонив голову перед Ночью, но мой рассказ вновь свернул в сторону.

Началась война, гоблины отступили в Корбутские горы, но не сдались. Инта прожила в горном приюте несколько лет, а затем вместе с дочерью вернулась к людям. Что с ними сталось, неизвестно. Внук Омма остался у орков, растивших

мальчика как воина, но потом на поселение, в котором он жил, напали. Очевидно, ребенка приняли за пленника. Скорее всего, он и сам не знал, какого он рода. И его историю, и его имя унесла река Времени, известно лишь, что по крайней мере один близнецов выжил и имел потомство, всех же, в жилах которых текла Старая Кровь, мы не знаем и не можем знать. Затерялся и след меча.

Война затихла сама собой, так как земли хватало на всех, а горцы были сильными и отважными, к тому же им помогала сама Тарра. Постепенно люди забыли о прежних богах, а эльфы знали о них лишь то, что они были.

Светозарные правили завоеванным миром, а мы, их спутники и любимые подданные, жили счастливо и спокойно. Что до смертных, они всегда найдут кому молиться и на что сетовать. Век шел за веком, и казалось, так будет всегда. Тарра почитала Свет и проклинала Тьму. Семь великих эльфийских кланов хранили мудрость и красоту, но некоторые из наших соплеменников предпочли уединение. Они покидали эльфийские города, становясь хозяевами лесов, озер, полей, сливаясь с Таррой, смешивая ее силу со своей. Так появились Хранители, заменившие тех, кто служил первым Богам. Прежнюю эпоху помнили и оплакивали немногие, но они во времена Света оставались в тени.

Вот и все, что я могу рассказать о древней Тарре. Жизнь текла, как степная река, и ничто не указывало на близость водопада. За минувшие после Трагайской битвы годы по раз-

ным причинам погибло около сотни эльфов, родилось же в несколько раз больше. Одним из них был и я, появившийся на свет в самый разгар зимы. В ночь моего первого крика бушевала невиданная в срединной Арции метель. Эмзар Ниэвиэль, Эмзар Снежное Крыло из дома Розы – таково имя, дарованное звездами и снегом сыну и наследнику Лебединых Владык. Время прибавило к нему слова «Переживший Разлуку».

Я рос в Лебедином Гнезде, серебристом городе на острове посреди величайшего из озер. Оно давно пересохло, но за восемьдесят лет до Великого Исхода озерные волны то нежно ласкали белый песок, то грозно бились о скалы, защищавшие наши владения от бурь. Мои первые годы не походили на последующие, как не походит весна на позднюю осень, но не мы выбираем времена, в которые нам приходится жить. Порой я вижу во сне высокие, стройные башни, водоемы, заросшие бледными лилиями, мраморные статуи, прячущиеся в гротах. Признаюсь, мне хочется написать об этом подробно, но наши желания в глазах вечности не дороже тени одинокого облака.

О Великом Исходе и последовавшем за ним безумии можно написать десятки трактатов или одну песню, которая вместит все – удивление, горечь, ужас, отчаяние и расправившую крылья ненависть. Мой младший брат владел мечом, как словом, и словом, как мечом, эта задача была ему по силам, но его мысли были об ином, я же просто говорю то, что

знаю. Прежний мир истаял с Исходом Светозарных, плач о навеки ушедшем лишь разбередит жаждущие чуда души, а под таррскими небесами и так слишком много грезящих о невозможном. Эти строки для тех, кто хочет знать, ЧТО было, а КАК было, сегодня не имеет значения. Мои слова об упавших в землю зернах, которые дали или могут дать всходы, остальное – не более чем пепел.

В один из дней Светозарные покинули Тарру, взяв с собой возлюбленных детей своих эльфов. Куда и почему ушли боги, оставив мир, который захватили, уничтожив его создателей и защитников? Это волнует всех, кто узнает истинную историю Тарры, но ответ не укажет выход из лабиринта скорби, в котором мы оказались.

Известно, что к Арцею от Престола Света явился Звездный Вестник, передав Повелителю некую весть и некий приказ. Арцей собрал братьев и сестер и объявил им высшую волю. Был ли он правдив? Этого не знали даже Воин и Дева. Арцей утверждал, что Свет призывает к себе своих избранников и они должны оставить Тарру, забрав с собой эльфов и уничтожив нарождающееся племя истинных магов, чьи силы становились сопоставимыми с силой Прежних. По словам Арцея, на неких пластах мироздания Свет потерпел сокрушительное поражение. Высшие опасались, что Тарра ступила на тот же путь и придет к подобному же концу.

Четверо из собравшихся в Светозарном у Престола Сил согласились уйти, Дева молчала, но Ангес не пожелал под-

чиниться. Что стояло за его непокорством – давно копившаяся неприязнь к старшему брату, гордость воина, которого вынуждают отступить без боя, или же чувство долга перед Таррой, – сказать трудно. Как бы то ни было, Ангес взбунтовался. Владыка начал угрожать – Воин обнажил меч. Он был один против пятерых, но пятеро знали силу и норов родича.

Схватку предотвратила Адена, напомнив возлюбленному, что битва богов обернется гибелью Тарры. Ангес согласился уйти; что с ним было дальше, неведомо. Думаю, он свернул с дороги Света на тропу Одиночества.

Светозарные повелели эльфам покинуть обжитые места, сделав их недоступными для смертных, и последовать за уходящими. Лебеди исполнили приказ.

Я был совсем юным, но помню, как рушились белые арки и серебряные шпили, а пенящаяся вода неслась вниз с террасы на террасу, снося статуи и ломая цветущие деревья. Серебряное Гнездо было уничтожено, и наш караван потянулся на северо-восток. Отец уходил последним, и его сердце разрывалось от боли. Он любил Тарру и свой остров и не хотел его покидать. Нас вела мать, и на ее лице не было сожаления. К исходу месяца Радуг [1] мы достигли цели, но Врата были

---

[1] У эльфов месяцы носят иные названия, чем у людей. Людское летосчисление ведется от Великого Исхода, хотя значение этих слов утрачено. Новый год начинается в день весеннего равноденствия. Всего же в арцийском календаре 13 месяцев, носящих имена созвездий Звездного Круга (аналога земного Зодиака). Агнец, Иноходец, Медведь, Влюбленные, Лебедь, Дракон, Собака, Зеркало, Звездный Вихрь, Волк, Копьеносец, Вепрь, Сирена.

закрыты. Наш клан опоздал. Так Лебеди стали пленниками Тарры.

Когда мы узнали, что должны покинуть свой остров, большинство было огорчено, но что значит нежелание в сравнении с невозможностью?! Я помню, как мы смотрели на безмолвную башню, осознавая, что остались одни в отринутом Светом мире, и в душах поднимали голову страх, обида и бессмысленная ярость.

Мы обрели свободу, о которой никогда не просили, за нашими плечами лежал мир, отчаянно нуждавшийся в помощи, а нас пугало одиночество и отсутствие высшей воли, которую мы привыкли чувствовать над собой. Родись мой отец истинным повелителем, он бы сумел найти в том, что казалось бедой, ростки надежды, но Мэиран Летящая Звезда был слаб. Он растерялся, а мать повела себя неразумно и торопливо. Она поведала всем, что Лунный клан тоже остался, причем по доброй воле. Этого оказалось довольно. Я не помню, кто первым крикнул, что Ларэн Лунный обманом и магией задержал Лебедей. Я не знаю, почему никто не спросил Залиэль, откуда она знает о судьбе избранников Ангеса. Мы были слишком потрясены и раздавлены свалившейся на наши плечи свободой, чтобы думать.

Спешно созванный Светлый Совет обвинил во всем Лунных. Смыслом нашего существования стало покарать обманщиков, лишивших нас Света. Отец не смог остановить вскипевшую ненависть, а мать не рискнула, и оставшиеся в Тар-

ре эльфы вступили в бессмысленную войну. Ларэн не хотел кровопролития, но он не мог допустить истребления тех, кто ему доверился. Мэиран не питал ненависти к Лунным, но не мог противиться воли Совета. Теперь я понимаю, что бойня, которую мы помним как Войну Монстров, бойня, в которой погиб цвет обоих кланов, была нам навязана чужой волей, но тогда мы словно бы обезумели.

Взаимное истребление не остановило рождение моего брата, исчезновение моей матери и смерть моего отца. Астени появился на свет в месяц Клена. Роды прошли благополучно, но на следующее утро отец, придя к супруге, обнаружил пустое ложе и плачущего младенца. Это объясняло все. Залиэль Ночная Фиалка полюбила Лунного короля. Он был отцом ее второго сына, из-за него она, будучи сильнейшей волшебницей клана, задержала Лебедей в пути, вынудив остаться в Тарре. Залиэль знала, что ее супруг не допустит позора и позаботится о ребенке. Так и было. Отец объявил, что роженица умерла и, согласно обычаю, похоронена мужем и старшим сыном. Мэиран стал искать смерти и нашел ее в последнем сражении Войны Монстров. Лунных вел не Ларэн, а его брат, именно он и сразил отца, и Лебединым владыкой стал я. Нас, и Лунных, и Лебедей, уцелело едва ли больше тысячи, и я понял, что войну нужно заканчивать.

Брат Ларэна был со мной согласен, и мы расстались, как нам казалось, навсегда. О судьбе Залиэли он не знал или делал вид, что не знает. Я собрал Светлый Совет, и мы реши-

ли искать след вчерашнего дня. Мы знали, что Светозарные, покидая Тарру, сделали ее недоступной для Внешних сил, но мы рассчитывали отыскать выход. Наши маги предприняли попытку открыть Врата, это стоило жизни и им, и тем, кто находился рядом. Мы поняли, что навеки прикованы к Тарре. Нас оставалось чуть более трех сотен, мужчин и женщин, и мы укрылись на острове в стране болот. Я отказался принять отцовский венец, так как имя Лебединого владыки применительно к таящемуся в топях изгнаннику казалось насмешкой. Уцелевшим Лебедям король не был нужен, но мои соплеменники цеплялись за тени, и мне пришлось назвать себя Местоблюстителем Лебединого Трона.

Дальнейшее наше существование было не осмысленнее жизни деревьев в лесу. Время текло мимо Убежища, дела смертных нас не касались, мы почти не грустили о прошлом и мало думали о будущем, наши дни слились в один бесконечный осенний закат. Мы не умирали, но и не жили, а потом нас разыскали маги. Они себя называли именно так, хотя до уничтоженных в канун Исхода истинных магов им было дальше, чем бабочкам до лебедя. Светозарные, уходя, озаботились лишить Тарру Силы не только в настоящем, но и в будущем, но нет запрета, который нельзя обойти. Смертных отрезали от моря и рек, но они научились рыть колодцы и собирать росу. Каким-то немыслимым образом они узнали про нас и явились в Убежище даже не просить, но требовать помощи.

Разумнее всего было бы уничтожить наглых пришельцев, но мы слишком устали от одиночества. Светлый Совет, в который теперь входили не сановники и заклинатели, а главы Домов, разрешил чужакам остаться. Наши гости не сумели освоить эльфийскую волшбу, подвластную лишь тем, в чьих жилах течет кровь Звезд, но наши знания были им полезны, а их рассказы о внешнем мире нас развлекли и пробудили к жизни. Через несколько лет я решил покинуть Лебединый остров и отправился на поиски матери и Ларэна. Сейчас я не знаю и сам, намеревался ли я на самом деле разыскать их или просто затосковал по большому миру.

Я провел в скитаниях более двадцати лет, узнав и поняв больше, чем за все годы уединения. Новая Тарра отличалась от той Тарры, которую помнил я. Люди позабыли о существовании и Светозарных, и их спутников, как некогда позабыли Омма и его детей, но жизнь смертных без веры пуста и горька, и они придумали себе новых богов и божков. Побывав во многих землях, я удостоверился, что новая вера, а вернее, веры были зеркалами породивших их народов. Бог атэвов казался калифом, не знавшим сомнений, не слезавшим с коня и не выпускавшим из рук сабли. Хаони поклонялись царю-философу, жестокому, хитрому, изысканному и развращенному. Племена Черного Сура верили в злых и голодных чудовищ, мало чем отличавшихся от рычащих за околицей деревень хищников. Маринеры [2] Эланда не моли-

---

[2] *Маринеры* – вольные моряки. Маринеры имели свой кодекс чести, наруше-

лись никому, полагая судьбу чем-то вроде моря, с которым можно и нужно спорить, но именно они, единственные из всех, имели высших покровителей.

Я мало знаю о Великих Братьях, которых почитали маринеры. Известно, что те принимали облик огромного орла и золотого дракона, не принадлежали ни Свету, ни Тьме, не полагали себя Добром, а иные силы Злом. Мне представляется, что Орел воплощал в себе истинную Свободу, а Дракон – Познание, но я могу и ошибаться. Маринеры никоим образом не были рабами Великих Братьев, они им никогда не молились, разве что клялись их именем и призывали в свидетели. Первый Паладин Зеленого храма носил на своих плечах цепь из невиданного в Тарре черного металла с зелеными камнями, а герцог черную же корону. Эти вещи называли дарами Великих Братьев, но на этом вмешательство Орла и Дракона в жизнь Эланда и Тарры и ограничивалось.

Самой сложной и самой странной была вера арцийцев, почитавших Триединого и множество святых. Мне, заставшему истинных богов, рассказ о единой сущности, сочетающей в себе ипостаси создавшего все и всех Творца-Креато-

---

ние которого каралось смертью или изгнанием. Маринеры добровольно подчинялись Совету Паладинов Зеленого храма Осейны, в который входили сорок самых уважаемых из ныне живущих капитанов. Местом сбора Совета Паладинов была башня Альбатроса в Идаконе, городе маринеров на полуострове Эланд. До 1109 года эландцами правил Первый Паладин Зеленого храма, избираемый из числа Совета и наделенный герцогскими полномочиями. Затем власть стала передаваться по наследству, но Совет продолжал пользоваться большим влиянием и даже имел право сместить недостойного герцога.

ра, карающего грешных Судию-Кастигатора и выводящих из пламени праведных Спасителя-Калватора кажется безумием, причем безумием жестоким, но большинству смертных, чей век еще короче памяти, нужен именно такой бог. Они уповают на посмертную награду и страшатся посмертной кары, от которой надеются откупиться, вымаливая прощение.

Я пытался понять Книгу Книг (так верующие в Триединого называют свою священную книгу), но эльфы слишком много знают о жизни, чтобы полагать ее всего лишь преддверием вечных мук или вечного блаженства. Но я вновь позволил себе уйти в сторону, рассказав о том, что меня поразило в мире людей. На самом деле о Церкви Единой и Единственной следует сказать совсем другое. Во время моего путешествия за ней не стояло ничего, кроме извечного желания клириков властвовать, а прочих уповать на высшие силы.

Церковь, объединившая под своей властью почти все заселенные людьми земли арцийского материка, держалась на умелых интригах и красивых словах, но не на магии и тем более не на истинной Силе. Я свидетельствую это перед лицом Звезд. То, чем сейчас стремительно становится Церковь и обретенные ей и ее адептами возможности, наводит на серьезные размышления, но об этом я скажу в конце своих записок.

Мои скитания и поиски оборвались безумным поступком. Я позволил себе обрести смертного друга, который втянул

меня в чужую войну. Дикий Ветер закружил нас, и я начал жить так, словно каждый прожитый мною миг является последним. Мы сражались с людским предательством и подлостью, но обрушенный нашими врагами камень пробудил древние силы. Сами по себе они не были ни злыми, ни враждебными, но после гибели Омма обезумели и забыли свое предназначение и свой долг. Их нужно было уничтожить, и нам это удалось, но ценой жизни моего друга. Мне пришлось заступить на его место – иначе все, чем и во имя чего он жил, оказалось бы бессмысленным.

Обман удался – никто, даже ближайшие друзья и возлюбленная убитого, ничего не заподозрили. Возможно, потому, что мои чувства, в отличие от моего лица, были истинными, но я не мог вечно нести на себе груз лжи. Когда я понял, что могу передать свою ношу уцелевшим, я исчез, разыграв свою смерть. Я вернулся в Убежище, где меня почти не ждали, и постарался вычеркнуть из памяти то, что со мной случилось. Я вернулся, чтобы увидеть, как мой брат покидает Лебединый остров то ли ради смертной женщины, встреченной им во время лесных скитаний, то ли ради неосознанной мечты.

Кровь Ларэна была сильна, и она властно тянула брата за пределы дозволенного. Астени походил на своего настоящего отца, как походят друг на друга два листа одного дерева. Само по себе это ничего не означало – Лунные владыки были в родстве с Лебедями, но глава дома Лилии или заподозрил правду, или искал повод поссорить меня с Астени, не зная,

что придуманная им ложь является истиной.

Лилии предпочли бы, чтоб в доме Розы не осталось наследников. Тогда, случись что со мной, первыми становились они. Глава дома Лилии советовал мне отдать брата на воспитание смертным. Вряд ли он заботился о чести дома Розы, к которому принадлежали мы с Астени. Мысли доброхота были о Лебедином венце, которым я не дорожил.

Я понимал, что мое одиночество искушает сородичей, но сердце противилось вечному союзу с нелюбимой. Смертные могут себе это позволить, ведь их век короток, но лгать вечно непереносимо. Я медлил и ждал, сам не знаю чего. Так прошло семнадцать лет, и на исходе восемнадцатой осени в Убежище вернулся мой брат. Я был рад его возвращению, потому что искренне любил Астени и, кроме того, он мог избавить меня от неприятного долга. Я предложил Астени жениться на Нанниэли из дома Лилии, и он, любя меня, согласился. То, как я распорядился судьбой единственного брата, в конце концов привело его к гибели.

Нанниэль готовилась войти в дом Розы, когда в Убежище разгорелся спор о том, должны ли эльфы вникать в дела Тарры и терпеть присутствие смертных, хоть и продливших свою жизнь с помощью магии. Мой брат несказанно удивил меня. Астени оказался яростным сторонником союза с людьми. Я не подозревал, насколько это серьезно, пока Нанниэль не подарила супругу столь редких в нашем роду близнецов – мальчика и девочку. Сын Астени, нареченный

Нэо Рамиэрль, становился и моим наследником, но отец готовил ему другую судьбу.

Маг Уанн, исполняя просьбу моего брата, подбросил ребенка смертной женщине, жившей в деревне на краю заповедных болот. Ее имя хранилось в строжайшей тайне, а Магодиночка умел путать следы, как никто. В Убежище сочли их поступок безумным. Нанниэль сказала супругу, что, если он не вернет ей сына, она его покинет и вернется в дом отца, забрав дочь. Астени воспринял и угрозу, и ее исполнение спокойно – он никогда не любил жену, так же как она не любила его.

О судьбе Нэо Рамиэрля мы не знали ничего, пока спустя пятьдесят с лишним лет Уанн не привел его в убежище. Лицо Нэо повторяло лица Астени и Ларэна, но в груди его билось сердце человека. Он предпочитал называть себя Романом и думал, чувствовал и действовал как смертный. В Убежище мой племянник пробыл ровно столько, сколько требовалось, чтобы овладеть начатками магии, как эльфийской, так и человеческой. Обучавшие Нэо были поражены его способностями, но великие тайны для него еще долго оставались игрой.

Мы с Романом стали друзьями, он накрепко сошелся с Уанном и очень привязался к отцу, но отношения с матерью и сестрой у него не сложились. Признаюсь, тогда я не видел в этом опасности, а к словам Уанна об угрозе, нависшей над Таррой, относился с позорным равнодушием.

Нэо стал нашим разведчиком в мире людей. Ничего не зная о своем происхождении, Роман избрал себе судьбу странствующего барда, готового в любое мгновение схватиться за меч. Узнав о себе все, он не захотел ничего менять. Он уходил и приходил, о чем-то говорил с магами и отцом, вновь исчезал. Нэо нравилось ходить по краю пропасти, слагать песни и держать смерть на расстоянии клинка. Наследник Лебединых владык скитался среди людей, а в Убежище относились к этому как к болезни, в которой был повинен его отец.

Вспоминая собственную жизнь, я понимал, что Нэо легче умереть, чем запереть себя на затерянном в болотах острове, но мне и в голову не приходило, что однажды в его руках окажется судьба Тарры. Так продолжалось несколько сотен лет. Мы и маги жили рядом, не мешая друг другу и не нуждаясь друг в друге, но потом Уанн потребовал откровенного разговора, я выслушал его. Так в Убежище вошла война [3].

Маг-одиночка рассказал о чудовищном Белом Олене, воплощении Древнего Зла. Каюсь, я это воспринял как нелепую сказку. Нэо Рамиэрль оказался прозорливей, ему давно не давало покоя кажущееся благополучие внешнего мира. Мой племянник оседлал коня и отправился по следу старых легенд и туманных пророчеств. Он то догонял судьбу, то уступал ей, то вырывался вперед. Нэо вернулся в Убежи-

---

[3] Речь идет о так называемой Войне Оленя, подробно описанной в двух первых Хрониках («Темная Звезда» и «Несравненное право»).

ще на исходе лета и привез в седле беду. Сомнений не было – Белый Олень и впрямь существовал. Тарра оказалась на краю пропасти по вине Светозарных, не удосужившихся узнать, какие тайны хранит захваченная ими земля. Не брось победители завоеванный ими мир на произвол судьбы, ничего бы страшного не произошло – тот же Ангес легко справился бы с пробудившейся напастью. К несчастью, Воин покинул Тарру вместе с братьями и сестрами, и удержать небо предстояло тем, кто остался.

Я не стану шаг за шагом пересказывать путь Нэо и скажу лишь о главном. Среди Первых богов Тарры нашелся отступник по имени Ройгу. Он повелевал снами, обманом и туманом и часто принимал вид Белого Оленя. Ройгу решил свергнуть Омма, но проиграл, был пленен и развоплощен, а его тонкое тело заточили меж корней Корбутских гор, Гординским перевалом, болотами Тахены и реками Явеллы. Во времена Первых Богов рубежи неустанно стерегли, но большинство стражей сгинуло в Трагайской битве. Уцелели лишь Хозяйка Тахены и Всадники Горды – каменные исполины, не склонившиеся под ветрами тысячелетий, но и они слишком многое забыли, а главного не знали никогда.

Чем дальше уходило время Омма, тем слабее делались заклятия Прежних, и в конце концов дух Ройгу вырвался на свободу. Нашлись и те, кто поклялся ему служить. Адепты Оленя копили силы, чтобы дать своему повелителю новое тело. Воплощением древнего бога должен был стать ребенок,

рожденный смертной древней крови от мужчины, которым на краткое время овладел бы Ройгу. Это дитя после ряда ритуалов обрело бы силу, память и волю повелителя Туманов, но, пока это не произошло, чудовищный младенец оставался под защитой матери, после родов обретавшей магическую силу, равную силе своего «супруга» и его адептов.

Избранница Ройгу в старых легендах именовалась Темной Звездой – Эстель Оскорой, и она могла быть только одна. Пока Темная Звезда жива, Ройгу не зачать ребенка от другой женщины, если же Эстель Оскора решится на бунт, древний бог и его служители обретут почти непобедимого врага. Разумеется, ройгианцы искали будущую Темную Звезду с особым тщанием. Они предпочитали действовать тайно, но даже ветер оставляет след. Уанн и Рамиэрль не были первыми, узнавшими о Белом Олене. Уанна насторожило древнее Пророчество, о котором маг-одиночка услышал, следя за главой Церкви Единой и Единственной Архипастырем Филиппом. Не все люди были слепы, а Архипастырь был мудр и смел. Настолько смел, что не боялся взглянуть в глаза правде.

Здесь я должен вернуться на тысячу лет назад и вновь вспомнить о Ларэне. Воссоединившись с возлюбленной, Лунный король покинул свой клан и ушел в болота Пантаны, где совершенно случайно встретил и спас молодого мирийца. Человека с отрубленными руками бросили умирать в лесной чаще. Движимый жалостью, Лунный король с по-

мощью талисманов Воина и Девы вернул Эрасти Церне (так звали спасенного) руки и при этом разбудил силу, спавшую в его крови. Ларэн понял, что Церна может стать первым из истинных магов Тарры. Лунный не сразу доверился Эрасти, но потом убедился, что в сердце мирийца нет места ни властолюбию, ни жестокости.

Ларэн начал обучать Эрасти, и вскоре ученик догнал учителя, и Лунный король отдал ему артефакты, оставленные Воином и Девой. О последнем не известно почти ничего, а талисман Ангеса представлял собой кольцо со странным черным камнем. Ангес подобрал его в одном из сожженных великими битвами миров и оправил в сталь, сплетя собственную магию с силой находки.

О том, что рассказывал Ларэн Эрасти и что они задумали, мы можем судить лишь по человеческим хроникам и словам Залиэли, но я не доверяю ни одному из источников. Как бы то ни было, Лунный король и его ученик узнали и про Белого Оленя, и про Эстель Оскору, и про некую силу, губящую Тарру руками ее обитателей. Белый Олень был лишь наконечником копья, нацеленного в сердце нашего мира; отрубив его, мы выгадывали время, не более того. Нужно было найти корни беды и вырвать их, но сил эльфа и пока еще человека на это не хватало.

Эрасти решил поговорить с бывшим побратимом, ставшим арцийским императором. В историю он вошел как Анхель Светлый, и его заря и впрямь была исполнена благих

намерений. Увы, свергнув с трона тирана, Анхель поменял местами цель и средства, и главным для него стала власть. Старые соратники стали мешать новому императору, и первым из них был Эрасти Церна. Они поссорились. Эрасти покинул друга и решил начать все сначала, подняв восстание против жестокого короля соседней державы. Анхель, опасаясь влияния и удачливости Церны, тайно выдал его врагам.

В смерти Эрасти никто не сомневался, Анхель прилюдно оплакал друга и добился у Церкви причисления Церны к лику святых. Живой Эрасти был императору опасен, мертвый – полезен.

Ученик Ларэна не обольщался насчет Анхеля, но, как ему казалось, на нынешнем этапе их цели снова совпали. Он решился на еще одну встречу с Анхелем, но теперь пришел к нему не как к названому брату, а как к властелину, который хочет, чтобы его империя пережила века. Но предатель не пережил встречу с тем, кого послал на смерть. Анхель умер на месте. Позднее причислили к лику святых и его. Эрасти же понял, что принять и понять правду большинство его соплеменников или не могут, или не хотят. Он начал говорить с людьми на языке намеков и туманных пророчеств, подтверждая свои слова чудесами. У него появились сторонники.

Церковь прокляла новоявленного пророка и объявила против него Святой поход. Эрасти и Ларэн могли победить в этой войне или, по крайней мере, не проиграть ее, но у них были другие задачи. Они искали источник разъедающе-

го Тарру зла и средства борьбы с ним. Мне кажется, они были близки к разгадке, но на пути Церны встала любовь. Странное чувство, оно касается лишь двоих, но случается, что его огонь губит или спасет миры и царства.

Эрасти Церна встретил молодую тарскийку по имени Циала и полюбил ее, но душа Циалы жаждала одного – власти. Отдавая себя проклятому Церковью магу, женщина надеялась стать повелительницей всех известных ей земель, но, готовый ради подруги на многое, Эрасти был тверд в одном. Он хотел спасти Тарру от грядущих бед, но не править ей. И тогда Циала предала Эрасти, обманом заточив в башне Адены, ключом к которой был артефакт богини. Трудно вообразить, сколько зла могла бы причинить предательница, пробудись в ней старая кровь и пойми она, какие возможности открывает магия, но женщина поторопилась, променяв вечность на мгновение.

Циала получила то, что хотела. Как победительница Проклятого (так стали называть Эрасти), она была возвеличена Церковью. Тарскийка основала орден своего имени, в который могли вступать только женщины, стала первой и последней в истории Тарры женщиной-Архипастырем, прожила до восьмидесяти двух лет и умерла. Разумеется, она была признана святой. Впрочем, в те годы «святые» были не более чем разрисованными досками, перед которыми горели лампады. До Войны Оленя Церковь и ее ордена не владели собственной магией.

После исчезновения Эрасти Ларэн и Залиэль вернулись к уцелевших Лунным и увели их за море. Эльфы нашли себе приют на островах в Сером море, и выбор этот был не случаен. Ларэн пришел к выводу, что в Сером море таится нечто или некто, постепенно, но неуклонно отравляющий Тарру. Он решил найти источник угрозы. Не знаю, надеялся ли Лунный король на победу или хотел узнать и запомнить дорогу, но он собрал тех, кому верил до конца, и четыре корабля ушли на поиски Места Силы. Назад не вернулся никто.

Залиэль не принимала участия в походе, так как ждала ребенка. Ее сын, мой единоутробный брат, родился на Лунных островах и получил имя Норгэрель, Норгэрель Вечерняя Волна. Душой и лицом он напоминал отца и брата, никогда им не виденных. Однажды к берегу острова эльфов прибило сломанную мачту, к которой был привязан потерявший сознание моряк, Норгэрель спас его, и этим спас Тарру.

Моряком был Рене Аррой, прозванный товарищами Счастливчиком, но сказочное везение маринера не было случайным. Никто из обитателей Тарры не знает, что спит в его крови, и никто не ответит, почему в некоторых поднимает голову Сила. В жилах третьего сына великого герцога Эланда сплелась кровь людей, Прежних и эльфов. Не знаю, кто дал жизнь одному из предков Рене – я или мой брат, но Великий Лебедь простер над ним свои крылья. Нет сомнений и в том, что в роду Рене был кто-то из детей Инты.

Залиэль сочла гостя опасным и хотела его уничтожить, но

Норгэрель не позволил. Сын Ларэна и спасенный им человек стали друзьями, Аррой мог остаться на Лунном острове, но предпочел вернуться к людям, поклявшись молчать об увиденном. Клятву он сдержал.

Душа Счастливчика Рене принадлежала морю, но он знал, что такое долг. Странная болезнь уничтожила почти всех, в ком текла кровь Арроев – последних законных потомков Воля, величайшего из людских правителей. Рене пришлось забыть о свободе и стать некоронованным правителем Эланда.

Когда Нэо Рамиэрль понял, что ему нужен союзник из числа людских владык, он вспомнил о Рене Аррое. У Нэо был необычный талант – первый раз кого-то увидев, он чувствовал, друг это или враг, и никогда не ошибался. Бард Роман и герцог Рене поняли друг друга, их дружба пережила века и саму Смерть. Они встретились на вершине скалы в тот миг, когда первые камни уже катились вниз, увлекая за собой другие, и обвал этот грозил Тарре гибелью. Того, кто стронул камни с места, найти было легко, куда труднее было остановить начавшийся обвал, но я увлекся рассуждениями, а мое дело – правда об ушедшем и забытом.

Роман встретил герцога на пути в Таяну недалеко от Тахены, зачарованного места, все еще исполненного Силой Прежних. Эльф и смертный удостоились доверия Эаритэ, хозяйки Тахены, и были проведены в самое сердце болотного края, где взглянули в глаза ушедшему. Живущая прошлым Эаритэ не знала и не могла знать всего, но она была уверена

как в том, что над миром нависла страшная угроза, так и в том, что ее гости избраны самой Таррой.

Рене и Роман очень быстро поняли, что их видимым врагом является Михай Годой, властелин небольшого горного княжества, союзного королевству Таяна. Михай Годой был умен, хитер и дальновиден, он не желал удовлетвориться своим положением и хотел обрести власть не только над Таяной, но и над Арцией. Еще в молодости тарскиец вступил в сговор с адептами Ройгу и овладел их магией, благо в его жилах, как и в жилах Рене, текла кровь Омма.

Ройгианцы и Годой решили, что Эстель Оскорой должна стать дочь Михая Герика. Отец с рождения лепил из нее покорное орудие. Он рассчитывал выдать девушку замуж за одного из сыновей таянского короля, телом которого завладеет дух Ройгу. С помощью яда, интриг и магии тарскийский господарь и его союзники намеревались устранить других претендентов и возвести на таянский престол сына Герики, регентом при котором стал бы Михай Годой. Таким образом, Ройгу до обретения божественной мощи (для чего требовалось время) получал власть над молодым и сильным королевством. Годой, несомненно, добился бы успеха, не появись в Таяне Рене и Роман.

Заговор был разоблачен, а Михай схвачен при попытке убийства Рене и заключен в одну из замковых башен. Это было неосторожно – таких врагов следует убивать немедля, но король Марко оставил пленнику жизнь, эта ошибка стала

для династии Ямборов роковой и чуть не погубила Тарру.

Рене и Роману пришлось разделиться. Рене остался в Таяне. Мой племянник отправился в Кантиску, Святой город людей, чтобы встретиться с Архипастырем Филиппом. Перед отъездом Нэо, как мог, защитил наследника таянского престола принца Стефана, полагая, что главная охота ведется на него. Рамиэрль вызвал из леса и зачаровал огромную рысь, привязав ее нерасторжимыми узами к Стефану.

Нэо благополучно добрался до Кантиски и успел переговорить с Архипастырем, показавшим гостю прижизненные изображения Эрасти Церны, святой Циалы и так называемое «Пророчество», гравюру, где в аллегорической форме изображались события, предшествующие гибели Тарры. Сопоставив новые сведения с тем, что он уже знал, Рамиэрль пришел к выводу, что великомученик Эрасти и заточенный равноапостольной святой Циалой Проклятый, которым Церковь пугает паству, один и тот же человек или, вернее, маг. Первый и пока единственный из истинных магов Тарры.

В ночь приезда Рамиэрля в Кантиску Архипастырь Филипп был убит одним из кардиналов, метившим на его место. В качестве платы за помощь убийца обещал ройгианцам церковную реликвию – перстень Святого Эрасти, заменив его копией. Воры наказали сами себя, Проклятый надежно защитил артефакт – взять его мог лишь избранный, которым стал Нэо Рамиэрль, оказавшийся свидетелем того, как «Святой Эрасти покарал святотатцев».

Уходя в свой последний поход, Церна оставил будущему наследнику послание, в котором разъяснялось многое из того, что я уже рассказал. Вооруженный знанием и Черным кольцом, Рамиэрль решил пройти путем Эрасти и, если удастся, освободить того из заточения. К сожалению, мой племянник сначала заехал в Убежище.

Привезенное Нэо кольцо стало искрой, упавшей в иссохшую траву. Сестра разведчика Эанке Аутондиэль возжелала заполучить артефакт, полагая, что с его помощью можно покинуть Тарру и воссоединиться со Светозарными. Примеро, вожак пришедших к нам магов, хотел из первого стать единственным, а кольцо Проклятого давало ему такую возможность. Кроме того, Нэо терял драгоценное время – его своевременное появление в Таяне избавило бы нас от многих бед, но произошло то, что произошло.

Мир в Убежище был нарушен, и уцелевшие Лебеди раскололись на тех, кто считал своим долгом встать в грядущей войне рядом с людьми, сторонников уединения и желающих во что бы то ни стало вернуться к Престолу Света. Маги же, кроме Уанна, заявили о своем намерении сопровождать Нэо в его путешествии.

Уанн, бывший искренним другом Нэо и моему брату, но не доверявший Примеро, решил опередить магов, которых Рамиэрль обещал задержать. Нэо выжидал, но его сердце болело за оставшихся в Таяне. Мой племянник рискнул подчинить себе водное зеркало и увидел герцога Рене, отбивавше-

гося от множества убийц. Подобные зеркала показывают как прошлое и настоящее, так и будущее, которое, однако, можно изменить – ведь предсказания не более чем возможность, а возможность не обязательно становится реальностью.

Роман понял, что его место рядом с друзьями, и, рассорившись с Примеро, бросился на северо-восток. Он нашел Рене у Эаритэ. То, что Рамиэрль видел в зачарованном пруду, было правдой, но не всей. Рене удалось вырваться из западни и перебить своих врагов, хотя сам он был тяжело ранен. Герцог добрался до Тахены, где нашел приют и помощь. От Рене Нэо узнал, что Марко, повинуясь странным видениям, женился на Герике Годое, хотя знал, что она любит его наследника Стефана, а тот любит ее.

Герика была покорна своему страшному отцу, и только любовь к принцу Ямбору была сильнее воли Михая. Этим обстоятельством воспользовались сторонники тарскийского господаря, расставляя ловушку, в которую попались Стефан и его друг Шандер Гардани. Это стало началом конца. Все дети короля Марко, кроме принцессы Иланы, погибли, а сам Марко обезумел, разорвал давнишний союз с Эландом, выпустил из темницы Годоя и выдал за него свою дочь.

Рене Аррой намеревался вернуться в Эланд и звал Романа с собой, но мой племянник решил побывать в Таяне и понять, что там происходит. Друзья вновь расстались. Рене отправился к морю на спине Водяного Коня. Эти древние создания некогда были спутниками и слугами Прежних и сги-

нули после Трагайской битвы. Уцелел лишь один, по имени Гиб. Гиб узнал в Аррое потомка Омма и покорился ему. Они появились в Эланде как раз вовремя, чтобы остановить ройгианцев, обманом и магией замысливших подчинить маринеров. Колдуны нашли смерть под копытами Водяного Коня, а Рене пришлось принять столь ненавистную ему корону. Он стал правителем Эланда взамен смещенного Советом Паладинов никчемного Рикареда, опустившегося до предательства и сговора с адептами Ройгу и Михаем Годоем.

Это о Рене. Роман же тайно пробрался в столицу Таяны Гелань, где распоряжался Михай Годой, самочинно объявивший себя регентом королевства. Годоя окружали ройгианские колдуны, и к тому же он сумел заручиться поддержкой гоблинов, которым обещал вернуть из небытия Прежних. Это было ложью, но честные по натуре орки приняли туман над болотом за цветущие сады.

Одержимый Ройгу, король Марко погиб, убитый рысью Стефана. Герика, полубезумная и беременная, ускользнула из рук отца, и рысь привела ее в дом лекаря Симона, где ее отыскал Нэо. Связав воедино все имеющиеся у него нити, он понял, что Герика и есть Эстель Оскора, а ее ребенок должен стать воплощением Ройгу. С помощью кольца Проклятого и эльфийской магии разведчику удалось уничтожить чудовищного младенца сразу после рождения и спасти мать. Так Герика Годоя стала Эстель Оскорой, обладавшей той же силой, что и ее «супруг».

Вернувшись от самой Черты, Герика разительно изменилась. Ни я, ни мой племянник не нашли объяснений тому, как безвольная и забитая дочь тарского господаря превратилась в гордую, сильную и решительную женщину, достойную соперницу своему отцу и его союзникам.

Нэо Рамиэрль решил укрыть Эстель Оскору в Убежище. Ройгианцы пустили по их следу Белого Оленя – созданный ими смертный фантом Ройгу. Гибель казалась неминуемой, но Герика разбудила всадников Горды, и каменные исполины уничтожили смертную оболочку чудовища. Нэо оставил Эстель Оскору на попечение своего отца и вместе с возглавляемыми Примеро магами отправился на поиски Эрасти Церны, завершившиеся неудачей.

Примеро и его сторонники предали, Уанн уничтожил отступников, но это вычерпало его силы до дна, и маг-одиночка умер на Трагайском поле, которое вернее было бы назвать Седым из-за покрывавшей его странно серебристой травы. Мой племянник сумел пересечь горы, в чем ему помогли гоблины-изгои. Рамиэрль нашел башню Адены, но не смог к ней приблизиться из-за наложенного на ее окрестности заклятия, сплетенного высшими адептами Ройгу. И все же поход Нэо не был бессмысленным. Он и его друзья-орки не только предотвратили союз между находившимися под влиянием ройгианцев северными гоблинами и продолжавшими почитать Омма южанами, но и привели последних на помощь арцийским и фронтерским повстанцам, что, безуслов-

но, повлияло на исход войны. Но я несколько забежал вперед.

Эстель Оскора недолго находилась на нашем попечении. Эанке и ее сторонники предприняли на нее несколько покушений. Вряд ли они догадывались о том, кто она, скорее это было вызвано ненавистью Эанке к брату и отцу. Герику спас Астени, но смерть в Убежище все же пришла. Убийцы ошиблись, и их невольной жертвой стала другая. Мы с Астени поняли, что не можем поручиться за жизнь Эстель Оскоры, если она останется среди эльфов, и брат взялся проводить Герику в Кантиску к Архипастырю Феликсу, другу и союзнику Рамиэрля.

Астени и Герика покинули наш остров в первую зимнюю ночь. Больше я своего брата не видел. Эанке Аутондиэль и ее сообщники из дома Лилии пошли по следу ушедших, а дочь всегда может найти отца. Они встретились на лесной поляне, Астени был сильным воином и умелым магом, но не хотел убивать сородичей, даже тех, чье сердце выжгла ненависть. Мой брат вызвал спутника Эанке на поединок и победил его малой кровью. И тогда дочь нанесла удар в спину. Астени погиб на месте, убийцы пережили его на несколько мгновений.

Эстель Оскора была привязана к моему брату, возможно, они начинали любить друг друга. Горе, вызванное смертью Астени, пробудило в Герике спавшую в ней Силу. Дикий Ветер уничтожил Эанке и ее спутников, а Геро, похоронив

спутника, повернула в Эланд навстречу своей судьбе и своей великой любви. Она прошла половину Арции в сопровождении разыскавшей ее рыси Стефана. Эаритэ предсказала Рене Аррою, что его любовь спасет Тарру, и этой любовью стала Эстель Оскора.

Я не стану подробно пересказывать события Войны Оленя, это заняло бы слишком много времени. Война бушевала на всем пространстве между Корбутскими горами и Канном. Обманом, магией и мечом Годою удалось захватить Арцию и объявить себя императором. Непокорные частью ушли в Эланд, частью в Кантиску. Положение противников Годоя было близким к безнадежному, и тогда Архипастырь Феликс послал за помощью к нам и получил ее. Я заставил своих соплеменников вспомнить, кем мы были, и взяться за мечи. Заставил, потому что этого же хотели Ангес и Адена. Заставил, потому что этого требовала память Астени и Ларэна. Заставил, потому что в том, что Тарра оказалась накануне гибели, был виновен Свет, уничтоживший создателей и защитников этого мира и бросивший его на произвол судьбы. Мы, дети Света, должны искупить эту вину или погибнуть, сражаясь плечом к плечу со смертными. Не скрою, зажечь погасшие сердца было непросто, но мне это удалось. Лебеди приняли участие в Войне Оленя на стороне герцога Рене Арроя и Архипастыря Феликса.

Два года люди, гоблины и эльфы убивали друг друга, и наконец под стенами Кантиски произошло решающее сра-

жение, которому предшествовала схватка Эстель Оскоры и Белого Оленя. Герика разрушила ройгианские чары. Годой был разбит, бежал при помощи магии в Таяну и нашел бесславный конец от кинжала своей жены Иланы Ямборы. На опустевший арцийский престол взошел Рене Аррой, провозглашенный Церковью императором Арции, королем Таяны, господарем Тарски и Великим Герцогом Эланда. Казалось, все кончено и на Арцию и сопредельные государства снизошел вечный мир, но наши сердца сжимались от дурных предчувствий.

Мне не давали покоя мысли о таящемся в Сером море Зле. Пропал и главный талисман ройгианцев, с помощью которого они создавали фантомы Ройгу, но главной опасностью стала Варха, крепость на границе Таяны и Эланда, захваченная адептами Оленя, где творились непонятные и чудовищные вещи. Были и иные вопросы, требующие ответов, и дела, ждущие свершения.

Нэо был готов пройти путем Ларэна, но для этого требовалось отыскать уединившихся на дальних островах Лунных. У нас не было своих кораблей, и мы обратились за помощью к маринерам. Дорогу знал лишь Рене Аррой, и он решил выйти в море сам. Наша просьба стала ветром, сорвавшим с клена алый лист, но виновен в его падении не ветер, а осень. Осень не может ошибаться. Рене должен был пройти своей дорогой до конца, иначе все утрачивало смысл.

Они ушли вместе – адмирал и его Звезда. Аррой обещал

вернуться осенью, но все, у кого было сердце, попрощались с ним навсегда. Корабли Рене «Созвездие Рыси» и «Осенний ветер» нашли Лунные острова, где их встретила Залиэль. Она рассказала Рене одну правду, а Рамиэрлю – другую. Возможно, была и третья. Душа моей матери была глубже глубочайшего из озер. Лунный свет некогда достиг его дна, но он угас, а другого Залиэль не знала.

Залиэль открыла Нэо то, о чем он почти догадался. Когда Герика и Рене Аррой обретут вечный покой, Ройгу вновь зашевелится. Его адепты найдут своему богу новую невесту и постараются избежать прежних ошибок. Нужно было отправить Герику за пределы Тарры. Даже если она там погибнет, Ройгу не сможет обрести новое воплощение, ведь тело его предыдущей избранницы упокоится за пределами породившего ее мира. Знала Залиэль и способ покинуть запечатанный Светозарными мир. Жестокий способ. Из двоих, подошедших к Вратам, один должен был умереть, открывая дорогу второму.

Рамиэрль согласился отдать свою жизнь, дело было за Герикой, которая вряд ли бы решилась пожертвовать своей любовью и жизнью друга. К тому же Эстель Оскора должна была исчезнуть бесследно, и следы волшбы Залиэли следовало укрыть в магической буре. Моя мать предложила план, построенный на двойном обмане, вернее, на двойной полуправде, и Нэо, хоть и скрепя сердце, его принял. Залиэль рассказала Рене о последнем походе Ларэна и о Зле, по мне-

нию Лунного короля, скрывавшемся в Сером море. Она полагала, что можно попытаться его уничтожить, и объяснила как. Это не было ложью, Залиэль намеревалась сама принять участие в походе и дать бой обитателю Серого моря.

Герика, как и рассчитывала моя мать, услышала разговор и решила пожертвовать собой ради Рене. Рене решил пожертвовать собой ради будущего Тарры. Жертва же Нэо оказалась не нужна – его опередила рысь Герики. Нэо видел гибель рыси и уход Эстель Оскоры. Бессильный что-либо изменить, он смотрел, как мечется пламя Залиэли. Затем оно угасло, и разведчик понял, что бой закончен. Хозяин Серого моря победил.

«Осенний ветер» вернулся в Идакону с дурной вестью. Маринеры долго не хотели верить в смерть Счастливчика Рене, но годы унесли надежду. Сын императора принял корону и стал править Арцией. Люди считали эти годы золотым веком, и мало кто разглядел в зеленой листве желтые листья. Одним из таких был старый Эрик, некогда учивший Рене Арроя ходить под парусом. Он добровольно выпил агва закта, яд, наделяющий умирающего пророческим даром, и архипастырь Феликс записал его слова:

«*Нужно ждать, ждать, даже когда это будет казаться безумием. Ждать и помнить. В землю упали зерна. Им нужно время. Придет год Трех Звезд, и поднимет меч Последний из Королей. Голубая Звезда канет в море, Алая вернется на небо, Темная не погаснет. Она зажжена Избранным, но*

озарит путь Последнему, предвещая победу. Не бойтесь Ночи, не бойтесь Дня. Тьма защитит от Тьмы, Свет от Света. Не плачьте об уходящих в бой. Созвездие Рыси… Темная Звезда… Им не сойтись, но сияние их вечно…»

Рене вернулся, когда его перестали ждать и оплакивать. Он был один – его спутники обрели вечный покой, но адмирал вырвался из рук Той, что не отпускает никого.

Мы, Лебеди Тарры, к тому времени окончательно покинули Убежище. Некоторые, не желая иметь ничего общего с внешним миром, уплыли на Лунные острова. Оставшиеся сочли своим долгом встать на страже здесь, у Вархи, чтоб заключенное в цитадели Зло не вырвалось наружу. К нам присоединились несколько Лунных, вернувшихся из невольного изгнания. Я был рад им, особенно Норгэрелю, сердцем и лицом напоминавшим Астени. Вместе с ним и Рамиэрлем мы окружили Варху огненным Кольцом. Оно будет пылать, пока жив хотя бы один из Лебедей, – это наш долг перед Таррой, оставленной Светом без защиты.

Рядом с нами несут стражу орки и люди, стерегущие наши спины от мечей и копий ройгианцев. Бледное Зло вновь подняло голову на севере Корбута и в Тарске, но их страшный бог мертв и не вернется, пока Эстель Оскора жива и свободна. Южные орки хранят верность принесенной клятве, не забыли о прошлом и в Таяне. В здешних краях рождаются и умирают с мечом в руках. Здесь все просто – рядом плечо друга, а впереди – враг, которого нужно убить. Судьба стран,

оставшихся за Гордой, была куда более печальной.

Арцию словно бы разъедает ржавчина. Люди перестали понимать друг друга, думая только о себе и сиюминутной выгоде. Каждый тянет драгоценную ткань на себя, и она не выдерживает. Уже сейчас вместо единой и сильной империи возникло несколько стран, стоящих на грани войны, но это еще не все. С памятью обитателей бывшей Арции творится что-то малопонятное. Они стремительно забывают правду и начинают верить лжи.

Зло крепнет и набирает силу, подтачивая мир изнутри. Все по отдельности можно было бы отнести за счет случайностей и совпадений, сведенное же воедино вызывает отчаяние. Можно бороться с самым страшным чудовищем, но не с приходящей осенью и не с чумой, а грозящая Тарре опасность неотвратима, как приближение холодов в месяце вереска, и безлика, отвратительна и тлетворна, как моровое поветрие.

Я убежден, что началом беды стал наш собственный обман. Нам показалось мудрым объяснить простонародью некоторые события Войны Оленя вмешательством божественных сил. Этим воспользовалась Церковь, постепенно присвоившая победу, одержанную другими. Более того, она обрела свою собственную магию, чем-то напоминавшую магию Ройгу, но питавшуюся из других источников. Церковные ордена, прежде всего антонианцы и циалианки, обрели или создали новые артефакты, направленные в первую оче-

редь на подчинение чужой воли.

Потомки Рене и те восстали друг на друга. Арция оказалась под властью узурпаторов и временщиков, озабоченных лишь тем, как удержать власть. К счастью, даже самые темные времена порождают не только змей и крыс. Устоявших перед искушениями было мало, но каждое несвершенное предательство становилось победой.

Мы могли лишь следить за происходящим, иногда подставляя плечо, но сражались смертные – потомки тех, кто выстоял в Войну Оленя. Надеждой раздираемого смутой королевства стал дом Тагэре [4] ветви Арроев, ведущий начало от младшего сына короля Филиппа Третьего.

Именно в семье Тагэре, по мнению Рамиэрля, и должен был родиться Последний из Королей. Сначала мы решили, что избранником судьбы станет Шарль Тагэре. Я не знал этого человека, но Рамиэрль утверждает, что Шарль был достойным наследником Рене Арроя.

Известно, что чем выше дерево, тем чаще бьют по нему молнии. За Шарлем шла настоящая охота. Нэо, как мог, старался его защитить, но он не был всесилен, а в наводненной церковными прознатчиками стране приходилось соблюдать осторожность.

Нам бы очень пригодилось Кольцо Эрасти, но его взяла Герика, которой Роман внушил, что талисман необходим ей

---

[4] О противостоянии Лумэнов и Тагэре подробно рассказано в третьей из хроник Арции.

для исполнения задуманного. Нэо надеялся, что рано или поздно Черное кольцо откроет Эстель Оскоре, обретшей в своих странствиях силу истинного мага, путь домой. Мой племянник оказался прав – Темная Звезда вернулась, но ее пребывание на таррской земле оказалось кратким. Нэо уверен, что именно Герика спасла от позора и смерти герцога Тагэре и разрушила два сильнейших артефакта, принадлежащих антонианскому ордену. Затем она отыскала Водяного Коня и отправилась на поиски Эрасти. Известно, что Эстель Оскора разрушила заклятие, делавшее Башню Адены недоступной, и вошла внутрь. С тех пор из обители Девы не выходил никто. Остается лишь гадать, нашла ли Темная Звезда Проклятого, поняли ли они друг друга и что с ними стало. Мы не обрели Герику и потеряли Нэо. Странная болезнь, поразившая Норгэреля, заставила предположить, что спасти его можно, лишь покинув Тарру, и Рамиэрль увел больного в Башню Ангеса. С тех пор о них ничего не известно, хотя мое сердце твердит, что оба живы.

Год Трех Звезд приближается, таящееся в Вархе Зло рвется наружу. Рене узнал в нем то, с чем столкнулся в Сером море, а я вижу, что оно черпает силу не только из странного радужного безумия, но и из Света. Не знаю, надолго ли хватит наших сил, но Лебеди будут сражаться до последнего. Мы в долгу перед Таррой, мы любим ее, но главная тяжесть войны вновь падет на плечи смертных.

У Шарля Тагэре было четверо сыновей. Эдмон Рунский

погиб, не дожив до семнадцати. Старший, Филипп, был возведен друзьями Шарля на арцийский престол, но оказался заурядным правителем и слабым человеком. Средний, Жоффруа, герцог Ларэн, стал позором дома Тагэре и принял унизительную смерть от руки старшего брата. Младший, Александр Эстре, родился калекой, но в его груди билось сердце Арции, и он смог укротить судьбу и побороть свое несчастье. Именно Александр стал истинным наследником своего отца, помнящим, что не Арция для Тагэре, а Тагэре для Арции.

Младший из братьев Тагэре не искал ни богатства, ни славы, ни власти, но судьба увенчала его арцийской короной [5]. Круг замкнулся. Александр обещает стать лучшим из королей, которых знала Арция, но ему досталась худшая из эпох. Да смилуется Великий Лебедь над Таррой и над всеми нами…»

---

[5] О молодости Александра Тагэре подробно рассказано в четвертой из хроник Арции.

Башня Ярости.
Книга 1. Черные маки.

Это тоже образ мирозданья,
Организм, сплетенный из лучей,
Битвы неоконченной пыланье,
Полыханье поднятых мечей.
Это башня ярости и славы,
Где к копью приставлено копье,
Где пучки цветов, кровавоглавы,
Прямо в сердце врезаны мое.

Н. Заболоцкий

Снова нам жить, меж собою мучительно ссорясь,
Спорить о том, что такое свобода и честь.
Мир поделен на подонков, утративших совесть,
И на людей, у которых она еще есть.

А. Городницкий

ПРОЛОГ

– Я не ожидал этого.
– Я тоже, но я рад ему. Хотя что нам остается делать.
– Еще бы, над ним сейчас не властно ничто.
– А вот здесь ты ошибаешься, брат. Над ним властен он

сам. Ему решать, что избрать.

– Любой на его месте выбрал бы Силу, Власть, Вечность.

– Ты представляешь кого-то на его месте? Я – нет. Он стал тем, кем стал, и я рад, что мы помогли ему вернуться. Да, соблазн велик, но он не первый в его жизни.

– Но может стать последним.

– Может. Но есть еще и Она.

– Этого я и боюсь. Смогут ли они еще раз потерять друг друга?

– Время меняет не только миры, но и сердца. Те, кто вернулся, вернулись иными. Он это знает, она еще нет…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ANGUIS IN HERBA[6]

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же,
Пой и зови к бою.
А. Галич

2895 год от В.И. 11-й день месяца Дракона
ОБИТЕЛЬ СВ. ЭРАСТИ ГИДАЛСКОГО

Случилось немыслимое! Настоятель обители Святого Великомученика Эрасти забыл молитву. И не какую-нибудь, а для обитателей гидалского монастыря самую важную. Ту, с которой вот уже шесть сотен лет иноки каждый вечер обращались к небесному покровителю.

Конечно, владыка был немолод: с тех пор, как после смерти Никодима иеромонах Иоанн по завещанию усопшего и с согласия братии получил Вечноцветущий Посох, пустыня двадцать пять раз видела весну. Уже не первый год Иоанна по ночам мучили боли в сердце, случалось, проклятый шарк

---

[6] Букв. *Змея в траве (лат.)* – скрытая, но смертельная опасность.

[7] укладывал его в постель на кварту, а то и на две, но памятью своей настоятель гордился по праву, а тут – такая беда! К счастью, до вечерней службы оставалось больше оры, и владыка поспешно уединился, дабы перечесть молитву и попросить Святого Эрасти сохранить ему память, пока он не передаст Посох, а с ним и власть своему преемнику, которого он никак не мог найти.

Старинный, переплетенный в тисненую кожу молитвенник, принадлежавший еще основателю монастыря святому Иоахиммиусу, сам открылся на нужном месте. Иоанн, дальнозорко откинувшись назад, вгляделся в четкие строки, и ему показалось, что он сходит с ума. Молитва исчезла, на пожелтевшей бумаге было начертано нечто совсем иное. Дрожа от волнения, держатель Вечноцветущего Посоха читал непонятные и пугающие слова…

«*Ты, кто отдал жизнь свою Церкви Единой и Единственной, как отдает ручей воды свои реке, а река – океану, ты, кто зрит лишь раскаленный песок, хотя мог созерцать цветущие розы, ты, кто возносит молитвы Творцу нашему и мне, Его смиренному слуге, хотя мог шептать женщинам слова любви и поучать детей своих, слушай меня. Пришла пора отрешиться от неба и взглянуть на землю, ибо любовь к ближним угодна Творцу, создавшему сей мир и любящему его. Знай же, что пришло время служения вашего Тарре и что подвиг во имя ее в глазах небесных равен подвигу во имя*

---

[7] *Шарк* – горячий ветер, дующий несколько дней.

Творца нашего.

Вы в пустыне своей в целости сохранили чистоту Церкви нашей Единой и Единственной, укрывшись от соблазнов и укрыв то, что должно явиться миру во время оно. Знай, что близится время сие, время подвига вашего, и вашими делами спасен будет мир сей или же погублен бездействием вашим. Знай, что вы должны вручить владыке земному Меч и Посох, вернуть Свет – Свету, а Тьму – Тьме и изгнать из Церкви неправедных, как изгоняет хозяин скотов, буде те заходят в незапертый дом и возлегают там, ибо недостойный пастырь в храме в глазах господних то же, что свинья в палатах в глазах человеческих.

Укрепись же сердцем, сын мой, и укрепи следующих за тобой, ибо грядут страшные времена. Не дели людей ни по вере их, ниже по лицу их, ниже по обычаям их – но сзывай почитающих долг свой превыше жизни своей и любовь к другим превыше благополучия своего. Не суди поднявших меч на Зло – но суди ушедших в заросли, когда рядом режут невинного. Не слушай клянущихся именем Творца нашего, если нет печати Его в сердцах их, но помогай тем, в ком горит любовь великая ко всему сущему, какие бы одежды ни носили они. В сердце своем обрети знание, что есть Зло и что есть Добро. Слушай сердца своего и иди вперед. Арде!»

– Арде! – прошептал потрясенный клирик, благоговейно закрыв книгу. Теперь оставалось как-то донести это до братии и, главное, понять, с чего начинать. Иоанн, как и

его предшественники, вместе с Вечноцветущим Посохом получил и Напутствие Иоахиммиуса, остающееся тайной для остальных монахов. Настоятель знал, что рано или поздно пробьет час, когда гидалским отшельникам придется покинуть пустыню и вернуть в мир укрытые в монастыре реликвии, но владыка не думал, что это выпадет на его долю, хотя Никодим и предупреждал.

Иоанн попробовал молиться, но знакомые с ранней юности слова не успокаивали. Клирик вновь и вновь возвращался к возникшим из ничего буквам, накрепко впечатавшимся в душу. Нужно действовать, но как?! Отправиться в Арцию? Всем или ему одному? Явно или тайно? К кому? К Архипастырю? К кому-то из светских владык? Что есть Меч, а что Посох? Как бороться с недостойными пастырями, как их узнать? Тысячи вопросов тяжким молотом били по немолодому, больному сердцу. Иоанн, не колеблясь, выполнит свой долг, какими бы земными горестями и тяготами это ему ни грозило, – но в чем он, этот долг?

В дверь робко постучали. Настоятель хотел было отослать пришедшего, но передумал, поняв, что за оставшиеся до вечерней службы пол-оры ничего не решит. Клирик встал и отпер дверь. На пороге стоял худенький молодой инок с ласковыми глазами.

– Что тебе, сыне?

– Отче, – юноша был не на шутку взволнован, – мне было видение…

– Видение? – Если Николай до сего дня и выделялся среди монахов, то болезненностью и какой-то запредельной даже для инока кротостью и незлобием, но никак не склонностью к видениям. – Расскажи мне все без утайки.

– Ты знаешь, владыко, что Творцу было угодно сделать меня обузой для братии и я не всегда могу исполнять положенное.

– В том нет твоей вины. Что ты видел?

– Я сегодня работал вместе со старцами на поварне, и внезапно мне стало плохо. Такое со мной бывало, и брат Трифон и брат Емилиан уложили меня на скамью и пошли за братом Никандром. Не знаю, что со мной было, отче, но, клянусь вечным спасением, это не было сном. Мне почудилось, что я стою в храме и возношу молитву Святому Эрасти – и вдруг открывается дверь и входит тот язычник, которого мы приняли к себе. Я спрашиваю его, что ему нужно и не хочет ли он, наконец, принять нашу веру, а он мне отвечает, что можно служить Добру, будучи разной веры, и Злу, будучи одной. И тут я слышу голос, идущий словно бы и из глубин, и с небес, и изнутри меня самого. Я понимаю, что с нами – со мной и с атэвом говорит… Отче, прости мне кощунственные слова, не со зла это и не из гордыни…

– Кто с тобой говорил, сыне?

– Святой Эрасти… – инок наклонил голову.

– Что он тебе сказал? – подался вперед Иоанн.

– Что мы избраны, отче… На моих глазах Святой облек-

ся плотью и вышел из оклада иконы. Он коснулся меня, и я понял, что превращен в посох, он коснулся атэва, и тот стал мечом. А потом Эрасти поднялся в воздух. Странным образом я видел все это со стороны.

Мы летели над желтой пустыней, над морем, над зеленой цветущей землей, которую начинал закрывать туман. Он сгущался все сильнее. Сверху по-прежнему сияло солнце, небо было синим и безоблачным, но внизу лежала серая мгла, и солнце было бессильно пред нею. Мы летели, пока не увидели холм, со всех сторон окруженный туманом, и на вершине его стоял человек в алом. Я не успел рассмотреть его лица, но заметил, что он горбат. Туман поднимался все выше и выше, готовясь поглотить стоящего на холме. И тут Эрасти опустился к нему и передал ему меч и посох… И я очнулся. Надо мной стоял брат Никандр. Отче, что это было?

– Хвала тебе, Заступник, – благоговейно произнес Иоанн, поднимая глаза на икону, – теперь я знаю, что мне делать.

2895 год от В.И. 11-й день месяца Дракона
АРЦИЯ. МУНТ

Армия шла через Мунт. От ратушной площади к Мясным воротам. Королевская гвардия, рыцари со своими сигурантами, наемники, обозы. Ржали и закидывали головы кони, скрипели телеги, смеялись и пели солдаты. Поход обе-

щал быть не таким уж и тяжелым, но у Дариоло, смотревшей из окна роскошного особняка Бэрротов, сжималось сердце. Впрочем, смотреть вслед уходящим на войну всегда грустно, особенно женщине. Даро видела, как ехали герольды, заставляя торговцев и просто прохожих убираться с дороги, затем показались конные музыканты и первый королевский полк, синие плащи украшало изображение волка, кони ступали слаженно по четыре в ряд, блестели на солнце шлемы, топорщились копья, прыгали и кричали мальчишки… Прошла первая, головная сотня, и Даро увидела Александра, перед которым ехали два сигноносца: юный Жанно ре Фло с нежностью сжимал волчье знамя, а племянник Сезара Мальвани королевскую орифламму с серебряными нарциссами.

Король, по своему обыкновению, был без шлема, и летний ветер играл темными волосами. Когда Александр сидел на коне, увечье его было почти незаметным, поэтому он любил ездить верхом, и в этом искусстве потягаться с младшим Тагэре могли немногие. Белый черногривый жеребец – подарок калифа Усмана – гордо нес своего седока. Артур утверждал, что Садан умнее многих людей, и Даро готова была этому поверить – конь обожал хозяина и, кажется, понимал его раньше, чем тот успевал тронуть поводья.

Дариоло не отрываясь смотрела на всадника с королевской цепью на груди, медленно ехавшего мимо ее дома. Святая Циала, как же она его любила, а принесла ему только боль… С их последней встречи наедине прошло три года,

а она помнит все, каждое слово, прикосновение, взгляд. Если б только она могла сказать правду, но правда, сказанная слишком поздно, страшнее лжи. Ей придется молчать и, сжав зубы, терпеть красавца-мужа, зависть придворных прелестниц и презрение брата, который, в отличие от Александра, не простил и не простит.

Рафаэль ехал рядом с другом, и Даро прекрасно видела его. Стройный, ясноглазый, порывистый маркиз Гаэтано был предметом тайных и явных воздыханий множества знатных девиц и дам, но не спешил связать с кем-то свою судьбу. Друг короля, он не искал для себя никаких выгод и сам не понял, как стал любимцем и нобилей, и армии, и простолюдинов. Впрочем, после стаи Вилльо окружение Александра казалось сборищем аскетов, занятых чем угодно, но не объеданием собственной страны. Их любили, Даро вновь убедилась в этом, глядя, как горожане радостно напутствуют уходящих, но мирийке почему-то было страшно.

Дрожа, дочь герцога Энрике смотрела в спину двум самым дорогим для нее людям, которые и не думали взглянуть на ее окна. Или все-таки думали? Она видела, как Александр повернулся к Рито и что-то сказал, брат ответил, и Дариоло показалось, что он пытается успокоить короля. Хотя что может с ними случиться? Поход как поход, младший из Тагэре видел и не такое, – так почему же сейчас у нее сжимается сердце? Пьер Тартю не соперник Александру, один раз он уже получил по носу, и сейчас его, без сомнения, ждет то же

самое. Трус и ничтожество, он бы и не полез, если б не нужно было отрабатывать ифранские деньги. Арция любит своего Александра, ей не нужен никто другой…

Сандер и Рито давно скрылись из глаз, дарнийцы тоже прошли, и теперь внизу горланили разухабистую песню фронтерские то ли наемники, то ли данники, но Даро их не замечала. Она все еще видела тех двоих, которые для нее были дороже жизни и которые даже не глянули в ее сторону.

2895 год от В.И. 11-й день месяца Дракона ЭР-АТЭВ. ЭР-ГИДАЛ

Яфе смотрел на небо, но даже небо нельзя рассматривать бесконечно. Жизнь была пустой и страшной в своей пустоте. Воины Наджеда караулили под стенами, но второй сын покойного калифа, не колеблясь, решился бы на побег, если бы не боязнь навлечь гнев брата на спасших его хансирских калксов.[8] Нельзя платить за добро злом! Эту нехитрую истину Яфе усвоил еще в детстве и терпел вынужденное заточение, находя слабое утешение, упражняясь с саблей и конем и совершенствуясь в языке хансиров. Принц понимал, что зрелище бешено мчавшегося по кругу атэва вызывает в сердцах его спасителей смятение, но что еще оставалось в

[8] *Калкс* – дервиш.

этой жизни? Третий год он был заперт в гидалской обители. Выхода не было, даже смерть и та его оттолкнула.

Если б истинная вера не почитала самоубийство трусостью, Яфе давно бы покончил с такой жизнью, но тот, кто позволил судьбе покорить себя, не достоин поцелуев райских серебрянокосых дев и обречен до конца времен питаться падалью и удовлетворять свои желания с самками шакала. И потому принц из рода Майхубитов вставал с рассветом и до одури наматывал круги вокруг внутренней стены, или посылал Дженнаха через натянутые веревки, или срубал на полном скаку специально расставленные вешки. Но конь, в отличие от хозяина, нуждался в отдыхе, и, когда солнце начинало палить особенно нещадно, Яфе возвращался в обитель и набрасывался на хансирские книги – лишь бы хоть чем-нибудь себя занять. Вот и сегодня он одолевал жизнеописание странной и неприятной женщины. Хансиры же, да прояснит Баадук их разум, сочли уместным считать безумную святой и позволили ей править их церковью.

Яфе никогда не вникал в догматы собственной веры, но, занявшись по воле судьбы верой хансиров, пришел к выводу, что она путанна, неумна и нелепа. История же равноапостольной Циалы казалась молодому атэву самой глупой из всего, что он прочел до сих пор. Яфе собрался отнести увесистый том в библиотеку и, благо дневная жара отступала, вернуться к Дженнаху, но не успел. Главный калкс призвал его к себе, и принц, в чьей душе подняла голову безумная

надежда на избавление, поспешил на зов.

Старший хансир, седой, с отечным лицом, сидел за столом. Рядом застыл, опустив голову, какой-то молодой инок. Яфе до сих пор большинство монахов казались похожими друг на друга, как две пустынные ящерицы. Он узнавал тех, кто его лечил и с кем он так или иначе имел дело, но в целом насельники обители для него сливались в нечто невразумительное в неприличных воину женских балахонах. Не узнал он и этого худенького юношу с лихорадочно блестевшими глазами. Яфе в знак приветствия сложил руки на груди и наклонил голову.

– Ты звал меня, я пришел.

– Садись… – хансир явно замялся, не зная, как к нему обратиться, – наш гость. Разговор будет долгим.

– Я сяду. – Атэв опустился на корточки у стены.

– Мы должны попросить тебя об услуге, но, согласившись, ты подвергнешь себя опасности.

– Я готов. – Он с трудом не выказал своей радости: неужели его попросят покинуть обитель?! Даже если его попробуют передать брату его отца – еще неизвестно, чья возьмет. Он или вырвется – или умрет, как мужчина.

– Я готов, – повторил Яфе.

– Знаешь ли ты о нашей вере, гость?

– Я читаю ваши книги. Многое мне непонятно, но я знаю, что вы думаете о том, что утекло.

– Это хорошо, – старший явно волновался и не знал, с чего

начать, – очень хорошо, что ты пытаешься понять. Ты помнишь, почему калиф Майхуб позволил нам построить обитель?

– В день, когда я взял первую женщину, мой отец, да будет он счастлив любовью звездных дев, рассказал мне о клятве Льва и Волка и о том, что вы храните великие Знания, которые в Год Беды укажут путь.

– Яфе, сын Усмана, – голос хансира дрогнул, – Год Беды скоро наступит.

– Во имя меча Баадука, – Яфе вскочил, – может ли быть такое?!

– Может. Нам явлены неопровержимые доказательства, что грядет битва Добра и Зла. Мы не вправе тебя ни о чем просить, но мне было откровение свыше, что я должен вручить меч и посох одному из земных владык. Я был слишком скуден умом, чтобы понять сказанное. И тогда Святой Эрасти послал видение иноку Николаю. В том видении Николай предстал Посохом, а ты – Мечом, и вы пришли на помощь горбуну в красном одеянии Волингов.

Сейчас Арцией правит последний потомок Рене Арроя. Его имя Александр Тагэре, и он горбат. Согласен ли ты вместе с братом Николаем отправиться на помощь королю Александру? Мы можем тебя лишь просить…

Согласен ли он?! Вырваться из заточения, мчаться в бой, исполнить древнюю клятву, стать тем, к кому обращалось завещание великого Майхуба?!

Яфе коснулся глаз ладонью:

– Да будут мои зрачки цветами, на которые ступят твои ноги. Я стану мечом для рожденного горбатым! И да не развяжется завязанное.

2895 год от В.И. Вечер 9-го дня месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

То, что доносили о войсках Тартю, не внушало никаких опасений и именно поэтому ужасно не нравилось Луи Трюэлю. Мирно почивший прошлой осенью граф Обен научил старшего внука многому. В том числе и тому, что трус должен быть трусом, дурак дураком, ханжа ханжой. Если жабы начинают летать, рыбы разговаривать, а зайцы рычать на волков – ничего хорошего это не предвещает. А тут еще на Александра, как назло, накатил очередной приступ апатии. После смерти маленького Эдмона и ненамного пережившей единственного сына Жаклин такое случалось, но перед битвой, даже если эта битва с Пьером Тартю, вождь должен быть вождем, а не святым Эпоминондом. [9]

---

[9] *Св. Эпоминонд* известен тем, что родился слепым и в четырнадцать лет удалился в пещеру, ни разу ее не покинув до самой смерти. Святой питался лишь растительной пищей, которую ему приносил сначала брат, а потом – племянник и его сын, он не совершил ни единого греха, но не уставал молить Творца о прощении.

Тонкая паутинка коснулась щеки, Луи механически провел рукой по лицу: надо же, он и не заметил, как наступила осень, еще один год на исходе, так и вся жизнь пройдет… Сквозь привычный шум лагеря послышался звонкий тоскливый клич. Журавли прощались с Арцией, четкий клин медленно плыл по синему предвечернему небу. Весной они вернутся, те, кто выживет… Так, и его понесло, видимо, умствования Александра оказались заразными. Луи Трюэль спешился и, бросив поводья оруженосцу, направился к королевской палатке.

– Через пару кварт они будут у нас, – Рафаэль Кэрна тоже шел к Александру, но задержался и, задрав голову, провожал длинношеих птиц, – отдохнут немного, а потом дальше, через Пролив… Я раньше любил их встречать… Проклятый, десять лет прошло… Надо же!

– Ты так и не вернешься?

– Пока отец жив, не вернусь, а потом придется, хотя бы на время… Герцог хочет передать корону брату. Я согласен, куда мне без вас, я теперь совсем арциец. Мирия мне маловата, да и не смогу я с синяками и капустницами ужиться, а гнать их от нас поздно… Правильно твой дед говорил, воюй хоть с Проклятым, хоть с Творцом, только не с клириками.

– Тогда тебе вовсе незачем назад тащиться. Напиши, и хватит.

– Нельзя, у каждой жабы свой хвост. Антонио не станет законным герцогом, пока я не отрекусь в его пользу в глав-

ном храме Кер-Эрасти. Причем сначала придется честь по чести принять корону, так как отрекаться может только миропомазанный государь. Бред, конечно, но ничем не лучше вашей привычки обходить женщин или атэвской, где все зависит от предсмертного желания калифа… Так что, если меня здесь не прикончат, хочешь не хочешь поеду в Мирию.

– А с какой стати тебя должны прикончить?

– А я откуда знаю, – пожал плечами Рито, – муторно как-то…

– Жабий хвост! И тебе тоже?!

– Наверное, от Александра заразился, он что-то совсем поплыл…

– Да я не про него, а про себя. Вроде бы все в порядке, все на месте, я двадцать раз проверял, а все равно!

– А вот это мне уже не нравится. Мне вообще многое не нравится.

– Например?

– Сандер мне не нравится, – махнул рукой мириец, – сил нет на него смотреть…

– Мне самому нет сил на себя смотреть, – они и не заметили, как король откинул шелковый полог и присоединился к ним.

– Проклятый тебя побери, Сандер, – откликнулся Рито с нервным смешком, – подкрался, как кошка!

– Ну, извини, – король виновато улыбнулся, – мне что-то на небо поглядеть захотелось.

– Жабий хвост! – скрипнул зубами Луи. – И что это на нас всех нашло?! Когда мы схватились с Раулем, такого не было!

– Стареете, наверное, – предположил Рито.

– Скорее не привыкли, чтоб удача сама в руки плыла, всегда с бою брали, а тут… Неуютно как-то.

– Именно, что неуютно, – Александр рассеянно оглядел золотистые деревья, дальний овраг, шелк небес, прошитый еще одной улетающей стаей, – зачем мы все это делаем, уму непостижимо.

– Что «все»? – не понял Рафаэль.

– Все, – повторил Александр Тагэре, не отрывая взгляда от журавлей, – какое дело этим птицам и этим деревьям, кто победит? Мы будем убивать, нас будут убивать, а зачем? Никому это не нужно. Поль был прав, когда женился и уехал в провинцию, – а мы? Пройдет год или два, «паучата» [10] опять дадут Пьеру деньги, опять найдутся люди, которые за эти деньги придут сюда, чтобы их убили, и при этом убьют кого-то из тех, кто готов умереть, чтобы здесь не было ни Эмраза, ни того, кто его притащит. И опять будет осень и бессмысленная кровь.

– Хватит, – внезапно вспылил Луи Трюэль, – оставь эту фантасмагорию при себе! Мы здесь, потому что к нам заявились с оружием. Тартю – трус и ничтожество, но за ним стоят те, кому мы – кость в горле. Каштанам, может, и напле-

---

[10] Намек на наследников ифранского короля Жозефа, прозванного Пауком, старого врага Арции.

вать, кто будет под ними ездить, а мне – нет. И если кто-то за ифранские ауры готов рискнуть головой, я ему эту голову сверну. Их никто не звал сюда, Александр, и прекрати забивать себе и нам голову всякой ерундой!

– Ты прав, – король походил на только что проснувшегося человека, – ты все проверил?

– Все, и не по одному разу. Сандер, трусость Тартю равняется скупости его хозяев. Я не понимаю, как он решился полезть на нас с такими силами, но мои разведчики прочесали всю округу. Похоже, у Эмраза и вправду только те войска, которые мы видим.

– Вспомни, – Рафаэль отбросил падающую на лоб вороную прядь, – вас у Мелового было еще меньше, и две трети были наемниками или почти наемниками.

– Я помню, – кивнул Трюэль, – но Рауль и Тартю то же, что медведь и крыса. За Эмразом воинских талантов отродясь не числилось, а Сандер уже тогда мог с покойным Анри Мальвани потягаться. Жабий хвост, проедусь-ка я, пожалуй, еще раз до Гразы и обратно… Не желаете составить мне компанию?

Александр молча покачал головой, Кэрна пожал плечами и остался с другом.

– Рито, – Тагэре рассеянно провожал глазами удаляющегося всадника, – тебе не кажется, что Сезар был бы лучшим королем, чем я? В конце концов, Мальвани мало чем уступают Волингам…

– Хорошо, Сезар тебя не слышит, он бы тебе сейчас такое сказал…

– Знаю, просто ты не представляешь, как я устал от короны, от этого украшения, – король коснулся изуродованного плеча, – от необходимости все время улыбаться и делать вид, что я знаю, как надо поступить в любом случае.

– Но ты действительно знаешь.

– Не уверен. Раньше – да. Раньше у меня многое получалось, но тогда в этом был какой-то смысл. Был жив Эдмон, я был должен…

– Ты и сейчас должен. Арции и самому себе. Проклятый! Ты когда-нибудь прекратишь себя грызть? А если не прекратишь, подожди хотя бы до завтра.

– Не волнуйся, – Тагэре натянуто засмеялся, – завтра все будет как надо. Я сяду на Садана, надену корону, возьму меч и так далее. Мы победим, возможно, даже захватим Пьера…

– А потом ты его отпустишь или отдашь на поруки отчиму… Право, ты уже становишься смешным с этим своим милосердием!

– По-твоему, лучше поступить, как… как…

– Как Филипп с Жоффруа? Это другое. У тебя нет постыдной тайны, которую ты хочешь скрыть. Да у тебя и врагов-то собственных нет, все или враги Арции, или те, кого ты приобрел, служа брату.

– Нет тайны, говоришь? От тебя, возможно, и нет. Но что я скажу Шарло и Катрин, когда они спросят, кто их мать?

Элеонора хочет, чтоб я женился на ее дочери. Ради Филиппа я должен, а не могу! Понимаешь, не могу!

– И не надо, – Рафаэль сочувственно посмотрел на Александра. – Младшая Элеонора – дура! Если у нее и есть что стоящее, то грудь – так у Онорины не хуже. А ты жить с дурой не сможешь. Шарло все поймет, это уже сейчас видно, а что до женитьбы, так время терпит. Я тоже не женат, и ничего.

– Ты не король… Ой, извини.

– А чего извиняться? Я из Мирии ушел навсегда, быть карманным герцогом при церковных крысах – не по мне! А что до того, что тебе нужны законные наследники, то сын Жоффруа – славный мальчишка, да и ты пока умирать не собираешься. Может быть…

– Да в том-то и дело, что ничего быть не может. Бедная Жаклин схватилась за меня, как утопающий за терновый куст, а что я ей, кроме своей неземной красоты, мог дать? Я был рад-радешенек, когда медикус прописал ей воздержание.

– Жаклин ты дал жизнь и свободу. Вряд ли после всего, что с ней и всеми ре Фло случилось, она могла надеяться хоть на что-то. Если бы не ты…

– Если бы не я, ее отец был бы жив!

– Проклятый! – возопил Рафаэль. – Еще немного, и ты себя обвинишь в Грехе Первом и Грехе Последнем, о которых нам ханжи талдычат! Неужели моя дура сестра вкупе с

Элеонорой Вилльо так заморочили тебе голову, что ты стал бояться жить? Когда до тебя дойдет, что ты ни перед кем не виноват и никому ничего не должен, это перед тобой все в долгу, как в шелку!

– Ладно, Рито, – махнул рукой король, – давай проедемся по следам Луи. Все лучше, чем такой разговор…

2895 год от В.И. Вечер 9-го дня месяца Собаки
ЧЕРНЫЙ СУР

– Вот оно! – Рене Аррой указал рукой на груду серых камней. В нескольких шагах от развалин буйствовали джунгли, но роскошная тропическая жизнь словно бы остановилась на границе невидимого круга, за которым не росло ни травинки.

– Ждите меня здесь, – Рене обернулся к своим спутникам – могучему черному жеребцу и сидящему на его спине эльфу.

– Я пойду с тобой, – Клэр легко спрыгнул на землю, несмотря на протестующее фырканье Гиба.

– Нет. Это место проклято и отмечено печатью даже не Зла, а чего-то совершенно чужого. Лианы и те это понимают, так что эльфу там делать нечего. Я – другое дело, да и вряд ли я найду что-то, кроме тени.

– Если б там была только тень, – покачал головой Клэр, –

джунгли бы захватили холм.

– Ты можешь чувствовать деревья. Что они помнят?

– Сейчас. – Тонкое лицо рыцаря Осени стало отсутствующим, серебристые глаза широко раскрылись, глядя в никуда. Рене и Гиб молча ждали. Ветер всколыхнул густую, тяжелую листву, на землю упало несколько капель то ли росы, то ли сока, дохнуло приторным ароматом цветов. Клэр поднял голову.

– Деревьям отвратительно это место, вот и все, что я могу сказать. Эти леса не знают осени, но этот холм для них – средоточие того, что в наших краях зовут зимой.

– Зима, смерть, небытие… – задумчиво повторил Рене, – я видел их, и видел близко. Но мы пришли сюда не за этим.

– Мы? – попробовал улыбнуться Клэр. – Мы с Романом решили, что нужно разыскать храм из легенды Майхуба, но нам задуманное оказалось не по силам.

– Потому что вы живы.

– Ты тоже жив, Рене, – возразил Клэр, – ведь жизнь – это любовь, память и воля. Ты вернулся и этим все доказал.

– Вернулся, это так… О, смотри!

Это было животное размером с небольшого арцийского кабана, оно и походило на кабана, если бы того разрисовали черно-белыми пятнами, а рыло вытянули в небольшой хоботок. «Кабанчик» сломя голову удирал от хищника, сзади была смерть, впереди – развалины, в которые беглец и бросился. Вслед за ним из-под покрова леса выскочила огромная

пятнистая кошка, но на границе травы остановилась, коротко рявкнула и гордо удалилась в джунгли. Ужас и отвращение, внушаемые этим местом, оказались сильнее голода, но слабее страха смерти.

– Подождем, – предложил эльф. Рене кивнул, Гиб ударил копытом о землю, что в данном случае означало согласие. Наступила тишина, нарушаемая лишь шорохом ветвей и гудением насекомых.

2895 год от В.И. Утро 10-го дня месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Александр Тагэре не мытьем, так катаньем избегал предписанных этикетом церемоний. Особенно невыносимы были толпы придворных, собачьими глазами созерцавших, как Их Величество одеваются или кушают. Король понимал, что минимум принятых в Благодатных землях обычаев соблюдать нужно, но привыкший к тяжести доспехов, откровенным дружеским словам и дыму походных костров воин с трудом мирился с дворцовыми порядками и нарушал их елико возможно. Все еще стесняясь своего плеча, Сандер предпочитал одеваться в одиночестве, а в качестве кости, брошенной блюстителям этикета, по утрам приглашал к себе кого-то из «волчат». Александр как-то умудрился пронести юношескую дружбу сквозь огонь, воду и медные трубы. Возможно,

потому, что «волчата» признали первенство Последнего из Тагэре задолго до коронации, а лизоблюдство было им так же противно, как и их королю.

Наедине с друзьями Его Величество превращался в Сандера, и это устраивало всех. Вот с теми, кого он недолюбливал, Александр Тагэре был неизменно вежлив и холоден; впрочем, шансов помочь королю затянуть пряжки доспехов или наскоро вместе с ним сжевать походный завтрак у них не было. Александр всегда старался избавляться от их общества, но на сей раз ему не повезло. В поход против бывшего виконта Эмразского, старанием ифранских «паучат» превращенного из «кошачьего отродья» [11] в наследника Лумэнов, пришлось взять с собой фронтерских наемников и, самое гнусное, Стэнье-Рогге.

Граф Селестин в своих предательствах докатился до того, что выступил против собственного пасынка, хотя его никто об этом не просил. Александру было противно, но отказать в этом удовольствии услужливому нобилю, за которого ходатайствовала бланкиссима Шарлотта, было нельзя. Положение на границе с Ифраной тревожило, все шло к тому, что Эмразом жертвовали, чтобы заставить Арцию перебросить войска от Табита к Гразе и, воспользовавшись этим, вторгнуться в Оргонду. В пользу этого говорили и очеред-

---

[11] «Кошачье отродье», «кошкин сын» и т.д. – презрительные клички незаконнорожденных и их потомков. Связано с тем, что гербы (сигны) бастардов, даже признанных и получивших привилегии, отмечались отпечатком кошачьей лапы.

ные выходки фронтерского господаря и эскотских разбойников. Тагэре не сомневался, что и Тодору, и новому эскотскому королю Ноэлю, и его северным подданным заплатили ифранским золотом. Ничего серьезного в этих набегах не было, но они исключали участие в походе против Тартю войск из Эльты и Эстре. Впрочем, это было не так уж и страшно, Александр не сомневался, что тысячи гвардейцев, «волчат» с их сигурантами и дарнийских наемников для ифранско-лумэновского претендента на арцийский престол более чем достаточно.

То, что против четырех или пяти тысяч Тартю он выведет две с половиной, Тагэре не смущало. Он был уверен и в своих людях, и в себе, а численный перевес противника перестал пугать Александра еще в юности. Но все пошло не так сначала из-за Жися, а затем из-за возжелавшего лишний раз доказать свою преданность Селестина. Пришлось тащить за собой никому не нужный многотысячный хвост. Стало не лучше, а хуже, но канцлер Бэррот был прав: фронтерцев без присмотра лучше не оставлять, тем паче в столице. Взять их на службу было не лучшим решением покойного брата, но что сделано, то сделано. Хорошо, хоть Жись на ножах с нынешним фронтерским господарем, как бишь его?

У входа в палатку зашуршало, что-то спросил часовой, кто-то ответил, полог откинулся, и появился граф Трюэль. Значит, скоро выступать.

– Луи, во-первых – здравствуй, во-вторых – что в лагере,

и, в-третьих, – ты часом не помнишь, кто сейчас заправляет во Фронтере? У меня имя из головы вылетело.

– Жабий хвост!

– Не ври, господарей с таким именем даже там не бывает.

– А вот и бывает, твое величество. Где ж им быть, как не во Фронтере? – Трюэль ловко поймал запущенный в него Сандером кубок. – Ты не представляешь, что у них за имена и клички, – ежли поискать хорошенько, и Жабий Хвост отыщется, и Хрючий Глаз, и Перебейнос или Набейморду… Но нынешний называется Тодор.

– Точно! И сидит почти двадцать лет. Жись – его родич, вроде как…

– Ага. Но они как кошка с собакой. Тодор рад-радешенек избавиться от Жися, который под него копал, пока Филипп беднягу не пригрел.

– Знал бы ты, как я не хотел их с собой тащить.

– А что так? Воины они неплохие, даже очень. И верхами годятся, и пешими, да и под присмотром будут.

– В том-то и дело. Я привык верить тем, кто рядом.

– Ну, во время боя им верить можно. Вот потом как бы не напились да грабить не полезли. И от обозов их держать нужно подальше. Кстати, из Гартажа налог прислали.

– Хорошо, – рассеянно кивнул король, – поможешь?

– Легко, – Луи, насвистывая, взялся за пряжки на королевских поножах. – А Рито опять без доспехов.

– Ну, не совсем же.

– Не совсем, но все же. Говорит, ему так легче. Прямо атэв какой-то.

– Может, он и прав. Атэвы и впрямь не любят на себе железо таскать, но с ними я бы сразиться не хотел.

– Готово, твое величество, принимай работу…

– Убить тебя, что ли? – задумчиво произнес Сандер.

– Не надо, – в притворном ужасе взвизгнул Луи, прикрывая голову рукой, – лучше кого-нибудь другого.

– Уговорил, – в глубоких серых глазах сверкнула и погасла искра, – моя б воля, я б и вовсе никого не убивал.

– Жабий хвост, «никого» не получится.

– Я понимаю, пошли.

Их, разумеется, уже ждали. «Волчата», капитан дарнийских наемников с неизбежным долговязым племянником, граф Рогге-Стэнье, как всегда учтивый до чрезвычайности, командир лучников и арбалетчиков барон Шаотан и усатый и хмурый фронтерец, старательно опускающий глаза. Наверняка кто-то из его людей напился и учинил какую-то пакость… Ладно, сейчас не до того.

– Доброе утро, господа. С погодой нам, кажется, повезло.

– Да, день, без сомнения, будет солнечный. Очень подходящий день, чтобы разбить изменника. – Селестин Рогге-Стэнье рассмеялся приятным, грудным смехом.

– Вам не есть неприятно воевать с сыном вашей супруги? – поинтересовался ставший недавно бароном господин Игельберг. В вопросе дарнийца не было двойного дна, ему и

в самом деле было интересно.

– Мой дорогой барон, – Стэнье отнюдь не казался обиженным, – сын жены и родная кровь – отнюдь не одно и то же. Уверен, что ваш племянник останется вам много ближе, чем потенциальный сын вашей возможной супруги. К тому же, как всем известно, сигнора Анжелика меня покинула и укрылась вместе с Пьером в Ифране, так что я даже не знаю, женат или нет…

Селестин не врал. Анжелика, которую все и всегда называли Фарбье, хотя она дважды была замужем, и впрямь увезла сына в Ифрану сразу после смерти Жоффруа. Александр графиню не осуждал, мать есть мать, хотя ее жалкий сынок ничем Филиппу не мешал, да и мешать не мог. Прав на корону у него не было никаких. Потомок бастарда-узурпатора, да еще по женской линии! Сандер совершенно точно знал, что встречался с виконтом Эмразским, но при всем желании не мог припомнить его физиономию. Когда-то неугомонная Анжелика попыталась женить своего Пьера на Даро… Над этим смеялись несколько месяцев, особенно когда Миранда расписывала неземную «красоту» жениха.

– …Таким образом, – возвысил голос Ювер Трюэль, исполнявший в этом походе обязанности начальника штаба, – на сегодняшний день у нас три с половиной тысячи тяжелых кавалеристов, в том числе тысяча дарнийцев и две тысячи, подчиненные графу Стэнье-Рогге, две тысячи лучников и шесть тысяч храбрых воинов сигнора Жися, пригод-

ных как к пешему, так и к конному бою. Итого одиннадцать тысяч пятьсот человек, не считая свитских.

– А каким количеством располагает противник? – Господин Игельберг все знал и так, но не услышать подтверждение вчерашних сведений, по его мнению, было неправильно.

– У него две тысячи тяжелых кавалеристов, столько же пехотинцев и до полутысячи лучников и арбалетчиков.

– Это хорошее соотношение, – наклонил голову дарниец, – мы должны получать убедительную победу.

Да, превосходство было очевидным, даже слишком. Александр Тагэре досадливо поморщился. До сегодняшнего дня ему не приходилось начинать битву, находясь в большинстве. Проклятый, оказаться чуть ли не с двенадцатью тысячами против жалкого Эмраза – это ли не насмешка!

2895 год от В.И. Утро 10-го дня месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Пьер Тартю сам не знал, чего в его отношении к арцийскому королю больше – страха, зависти или ненависти. Пожалуй, все-таки страха, по крайней мере сегодня. Пьер изо всех сил старался выглядеть спокойным, но получалось плохо. Еще бы, ифранские союзники бросили его на растерзание лучшему полководцу Благодатных земель! Да будь все наоборот, будь у него двенадцать тысяч, а у Тагэре четыре,

и то было б чего бояться, а так… Через ору от них мокрого места не останется.

Всесильная Жоселин, четвертый год правящая Ифраной от имени несовершеннолетнего Жермона, заверяла, что они обязательно победят, но регентша всегда была отъявленной лгуньей. То, что он не полководец, еще не значит, что он дурак. Против горбуна Тагэре у них шансов нет. Жоселин, что бы она ни говорила, заварила эту кашу с одной-единственной целью – вынудить арцийцев снять войска с границы. Не вышло, горбун в ловушку не попался! А маршал Аршо-Жуай и проклятый Белый рыцарь и не думают отступать! Они твердят, что битва будет выиграна, но «волчонка» Тагэре еще никто не разбил.

Проклятый, все знают, кому обязан Филипп Четвертый победой над Королем Королей! Горбун Эстре, младший из сыновей Шарля, – вот кто был настоящим победителем. Не король, а его брат с двумя тысячами остановил двенадцать, правда, тогда на стороне Александра была неожиданность, и он сам выбрал, где и как ударить.

Младший из Тагэре и его сигуранты… Пьер Тартю видел их всего несколько раз, но даже спустя много лет мог описать одежду и лицо каждого, а вот они, они его не видели в упор, а мать и отчима и вовсе презирали и ненавидели. Хотя здесь они правы. Селестин Рогге – лживая, угодливая дрянь без чести и совести, поклянется в одном и немедленно сделает другое. Любопытно, о чем он думает сейчас? Мать ему

писала неоднократно, но письма оставались без ответа. Для него родня ничего не значит, было бы хорошо ЕМУ. Он и на матери-то женился, будучи уверенным, что Лумэны вернулись к власти, но Рауль ре Фло проиграл, и Селестин его прикончил и переметнулся к победителю. Он, как мог, выслуживался перед королем Тагэре, и тот его простил и приблизил. Филипп, но не его брат и его приятели!

Пьер прекрасно помнил, как когда-то мимо него с хохотом пронеслась стайка молодых нобилей. Один, с изуродованным плечом, обернулся, сверкнув яркими серыми глазами. Второй, статный красавец, как выяснилось позже, виконт Малве, что-то шепнул, и приятели рассмеялись – без сомнения, над ним, Пьером Тартю. Мать советовала ему держаться подальше и от «волчат» и от «пуделей», и он так и делал, правда, в отличие от нее прекрасно понимая, что его не примут ни первые, ни вторые. Только один раз, после эскотского похода, он набрался смелости и заговорил с Александром, тогда еще герцогом Эстре, – и совершенно зря!

Нет, Тагэре не был груб, он не прерывал сбивавшегося родственника и даже вежливо поблагодарил за поздравления, но Пьер отчего-то ощутил себя полным ничтожеством. Он стал торопливо прощаться, и горбатый герцог равнодушно кивнул, словно мелкому провинциальному нобилю. Со своими дарнийцами он и то был приветливей. А в храме после венчания Дариоло Кэрны?!

Разодетый в цвета Волингов Александр Тагэре, глядя

сквозь собеседника, заметил, что Дариоло сделала достойный и правильный выбор, ее избранник – настоящий рыцарь, к тому же хорош собой и королевской крови. Это был камешек в огород Тартю, потерпевшего неудачу с прекрасной мирийкой! Александр Тагэре, без сомнения, был наслышан о его попытке, предпринятой по настоянию матери. Еще бы, девица Кэрна жила в доме Мальвани, как же было не посмеяться над незадачливым женихом вместе со своим драгоценным Сезаром!

Пьер был старше Эстре на полгода, но не участвовал ни в одной кампании, на гербе его матери была кошачья лапа, а внешность… Нет, виконт не был уродом, но в сравнении с красавчиком Бэрротом или братом Дариоло и впрямь был жалок. Конечно, можно было указать Эстре на его горб, но виконт Эмразский в ответ… улыбнулся и еще раз поздравил монсигнора с военными победами.

Проклятый, ну почему рядом с сероглазым горбуном чувствуешь себя каким-то тараканом. Что в нем такого?!

– Ваше Величество, вы готовы? – Ифранский маршал в полном боевом облачении был хмур и напряжен. Жуай – не дурак, понимает всю безнадежность их положения.

– Готов, но это безумие. Нас разобьют!

– Мы одержим победу. Не спорю, Александр Тагэре очень хороший полководец и прекрасный боец, но именно это и является его слабостью. К тому же Его Высокопреосвященство сейчас отслужит молебен за победу вашего оружия.

При мысли о Клавдии, выставленном из Арции за участие в заговоре и обретавшемся все эти годы в Кантиске и Авире, Пьер Тартю немного успокоился. Не то чтобы он любил толстого кардинала, но тот был хитрецом и трусом. Если Клавдий согласился сопровождать их в Арцию, где ему запрещено появляться под страхом смерти, он уверен в успехе. Может быть, все дело в магии? Или ночью к ним подошли резервы? В то, что их дело угодно Триединому и святой Циале и те вмешаются и помогут, Пьер Тартю не верил, равно как и в самого Триединого, но, раз молебен назначен, надо на нем присутствовать.

Претендент на арцийскую корону вздохнул и поднялся, покинув нетронутый завтрак – желудок противился самой мысли о еде. Тартю не хотел спрашивать, но не смог удержаться:

– Маршал, к нам подошло подкрепление?

– Будем надеяться, Ваше Величество.

Надеяться?! Есть ли что более глупое, чем надежда?!

– Но вы говорили, у нас все готово к отступлению…

– Да, если что-то пойдет не так, мы Ваше Величество не оставим. Ваше Величество помнит, что у нас уже были неудачи.

Еще бы! Он до смерти не забудет предыдущие безумные попытки! Один раз они даже не высадились на берег, так как обещанное Гризье и Вилльо восстание с треском провалилось. Второй раз они все же добрались до Арции, но вскоре

передовой отряд налетел на дарнийскую заставу и был размазан по окрестным пригоркам, а они едва успели погрузиться на корабли и покинуть арцийские воды. Но тогда они были у самого берега, а сейчас забрались слишком далеко от спасительного моря!

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

– Лучники вышли на основной рубеж на холмах и начали обстрел.

– Хорошо, – кивнул Александр Тагэре. В Морисе Шаотане он и не сомневался: барон из Гартажа прямо-таки кожей чувствовал и ветер, и направление. Сандер давно понял: если человек знает, что делает, и делает это хорошо, не нужно мешать. Сейчас дело за Морисом. Ифранцы станут отстреливаться, не преуспеют в этом и отойдут. Тогда настанет черед фронтерцев. Или пустить вперед Рогге? Дело верное, тут особого ума не нужно.

– Мой государь… – Проклятый! Штефан – замечательный человек. Умный, опытный, надежный, но эта его манера говорить высоким штилем…

– Да, барон?

– Мой государь, я могу просить вас об одной вещи?

– Разумеется. В чем дело?

– Ваше Величество, все эти годы рядом со мной находил-

ся мой племянник. Я… имель обучать его военному делу и, как мне кажется, добился определенного успеха. Конечно, серьезную операцию ему еще доверять неосмотрительно, но провести атаку на отступающего, расстроенного противника он может.

– Вы хотите, чтобы Хайнц начал преследование и на плечах отходящих ворвался в их лагерь?

– Да, он должен быть хорошим возглавителем авангарда.

– Штефан, я рад оказать вам эту услугу, хотя это Хайнц окажет ее всем нам. Вы думаете передать под его начало всех своих людей?

– Не думаю, что это станет разумно, – дарниец пожал богатырскими плечами, – наш отряд есть самый опытный и боевой в армия, он хороший не только для начала, но и для конца. Хайнц возьмет пять сотен всадников и будет начинать драку. Затем в центре могут пойти снявшиеся со своих лошадей фронтерские солдаты, которые есть очень недисциплинированные, и их нельзя пускать ни в авангарде, ни в решающей стадии. Если наш недруг будет делать атаку на нашу середину, хотя это есть не весьма вероятно, лучники могут себя прятать за фронтерцев. На флангах будет целесообразно нападение графа Целестина Стэнье-Рогге, а мы нанесем финальный удар и остановим фронтерских мародеров. Потому что они есть мародеры и начнут убивать и грабить сразу после победы.

Судя по усилившемуся акценту, Штефан весьма взволно-

ван. Столько лет воспитывал племянника и наконец решил спустить с поводка! Что ж, доставим хорошим людям радость. Будь противник посерьезнее, делить дарнийцев было б рискованным, а тут… Пускай Хайнц полетает на собственных крыльях, если и ошибется – не беда!

– Вы все продумали, барон. Остается только довести дело до конца. Готовьте Хайнца, похоже, перестрелка скоро затихнет. Шаотан явно их переиграл.

– Да, – Игельберг прикрыл рукой глаза и посмотрел вдаль, – безусловно, они скоро начинают отступление. Я пошел напутствовать моего племянника.

– Бедный Штефан, – засмеялся Рафаэль, щеголявший в легких атэвских доспехах, некогда подаренных Александру, но пришедшихся впору «второму „я“ короля.

– Почему бедный? – переспросил Одуэн, предвкушая очередную шутку.

– Жабий хвост, – встрял Луи Трюэль, – да потому, что Эмраз побежит раньше, чем Игельберг закончит наставлять несчастного Хайнца.

– Именно, – жизнерадостно засмеялся Рафаэль, – хотел бы я на это взглянуть!

– Так в чем же дело? – улыбнулся Александр. – Рито, отправляйся к Штефану и замени ему племянника, по крайней мере до конца боя.

– Зачем это?

– Ну хотя бы затем, что мы вряд ли вступим в драку, а

терпеть твое общество, когда тебе не дают помахать мечом, – легче повеситься, – объяснил Никола.

– И это тоже, – согласился король, – но главным образом для того, чтобы принять капитуляцию. Штефан – наемник, Жись – тоже, а ты – маркиз, сын герцога и мой друг.

– По мне, так и Рогге сойдет. На правах родственника.

– Не хочу давать ему повод очередной раз выслужиться.

– Понял, – сверкнул зубами Кэрна, – хорошо, отправляюсь в распоряжение Игельберга и буду заменять его молодого и неопытного, но такого старательного племянника.

– Проваливай, чудовище, – засмеялся Одуэн.

Рито махнул рукой и лихо развернул Браво. Бедняга повернулся, как на шарнирах, и галопом помчался вниз. Сандер проводил глазами удаляющегося всадника в алом и внезапно захотел вернуть. Хотя… что за глупости, ничего с ним не случится! Рито живуч, как кошка, и везуч, как сын атэвского садана! Король обернулся к «волчатам». Жись и Рогге отправились к своим, а Шаотан уже воюет. На вершине пологого холма остались лишь самые близкие – и хорошо; можно перестать быть величеством и вновь стать герцогом Эстре.

Тагэре глянул вниз. Кажется, все готовы. Рогге – неплохой военачальник, хоть и без воображения. Всю свою выдумку он тратит на интриги и предательства. Конечно, с Анжеликой он вот-вот разведется, но навязываться в поход против пасынка… Есть в этом что-то подлое. Насколько б лучше

было без этого подлизы. Да и Артур бы порадовался.

Капитан гвардии, когда его оставили в Мунте, выглядел вовсе убитым, но канцлер втайне от сына попросил короля не брать того в поход, так как по гороскопу Артуру в месяце Собаки грозит серьезная опасность. Разумеется, он оставил виконта Бро в столице. И не только ради него самого и Даро, а потому, что Бэррот-старший намекнул на возможность какого-то заговора, а бланкиссима настойчиво посоветовала не отталкивать Стэнье. Оказывается, Селестин ужасно страдает из-за поведения своих родичей и жаждет на деле доказать верность дому Тагэре. Ссориться с Шарлоттой Сандеру не хотелось, да и канцлер был прав. Когда король покидает столицу, некоторым подданным могут прийти в голову всякие глупости, а наследник престола и впрямь нуждается в защите. Нет, гвардию следовало оставить в Мунте.

– О, – жизнерадостно воскликнул Одуэн, – а Штефан управился быстрее, чем мы думали!

– Жабий хвост! Он, небось, беднягу Хайнца ночью наставлял, к утру как раз успел.

– Луи!

Когда король говорил таким тоном, шутки затихали немедленно.

– Да, Сандер?

– Прикажи Жисю выступать. Не дело, если они отстанут от Хайнца больше чем на треть оры.

– А Рогге?

– Пусть ждет приказа. И чтоб без отсебятины.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Пять сотен дарнийцев на рысях двинулись вперед. Рито, скрывая усмешку, проводил взглядом долговязую фигуру Хайнца. Мириец был готов поклясться, что племянник барона Игельберга под шлемом шевелит губами, повторяя то дядюшкины наставления, то молитвы святому Штефану, святому Отто, святому… Проклятый знает, какому еще, – у дарнийцев святых хватало на все случаи жизни. Сам Кэрна, сдерживая рвавшегося вперед Браво (жеребец, привыкший идти впереди отряда, был весьма озадачен тем, что вынужден оставаться на месте, когда кто-то уходит), насвистывал эскотскую песню о черных маках, отчего-то прицепившуюся к нему с самого утра. Песня была грустная, чтобы не сказать больше, но красивая. Нужно вечером подобрать ее, благо гитару, подаренную Артуром, Кэрна таскал с собой везде. Рито не сомневался, что мысль привезти ему настоящую мирийскую гитару принадлежала сестрице, но не устоял и принял подарок. Да и Артура обижать не хотелось, Бэррот не совершил ничего дурного, во всем виновата Даро.

Маки, маки в росе рассвета,
Отчего вы плачете, маки?..

Проклятый, вот ведь привязалось! Мириец привстал на стременах, вглядываясь вперед. Хорошо идут. Скрытно и тихо. С той стороны их заметят в самый последний момент. Справа на холмах, опустив луки, стояли стрелки Мориса Шаотана. Они свое дело сделали отлично и с полным правом отдыхали, ожидая новых приказов. Отряд Хайнца продвигался низинкой, в обход череды холмов. Ифранцы сейчас заняты стрелками, даже не стрелками, а ожиданием атаки в лоб. Так всегда бывает. Лучники и арбалетчики расступаются, пропуская конницу, но у Сандера все не как у людей. Он решил для начала ударить во фланг и лишь потом пустить фронтерцев. Излишняя роскошь! Или нет?

Мы – лишь тени ушедших в землю,
Мы – лишь пепел сгоревших в небе.

Как же там дальше, мелодию он запомнил, а вот слова… Что-то про измену. Была война, кто-то кого-то предал…

– Монсигнор, мой Хайнц уже вышел туда, куда должен был выйти. – Предводитель дарнийцев, похоже, изрядно волновался за родича. Еще бы, это первое дело, которое он ему поручил.

– Штефан, я уверен, ваш племянник вас не подведет.

– Я испытываю большую надежду на этот счет. Но, монсигнор Кэрна, я хотел бы видеть вас рядом с собой, но для этого у вас неполный доспех. Вы должны беречь свою жизнь

и держаться внутри.

– Не беспокойтесь, барон, – Рафаэль широко улыбнулся, – каждому свое. Доспехи у меня калифские, их мало какой меч разрубит; а что легкие – так мне других не надо.

Игельберг больше не спорил. Похоже, его сейчас занимал Хайнц, один только Хайнц, и никто, кроме Хайнца. Рито понимал старого рубаку. Подчиняться племянника он научил в совершенстве, но вот научил ли думать? Хотя думать тут как раз нечего – все понятно и просто.

Маки, маки в огне заката,
Что вы можете помнить, маки?
Маки, маки…

Хватит! К Проклятому эскотскую грусть и прошлые войны. Рито рывком опустил стрелку шлема, став похожим на атэвского принца, и занял место за плечом Игельберга. Как раз вовремя, чтобы увидеть атаку. Раздался рев фанфар – и дарнийцы, выскочив из-за холмов, понеслись вперед. Браво, услышав боевой призыв, попытался сорваться с места в карьер и обиженно повел ушами, когда всадник его удержал.

До сражающихся было далеко, но утро выдалось ясным, а пыль еще не поднялась, и Рафаэль быстро разобрался, что к чему.

Бросок получился коротким и страшным, стоявшие на фланге и глазевшие в центр ифранцы не успели не то что перестроиться, но даже обнажить оружие. Первые были сбиты

копьями, вторые погибли под конскими копытами, затем настал черед знаменитых дарнийских секир. Господин Игельберг хорошо вышколил и своих людей, и своего племянника. Несмотря на очевидный успех, никто не зарвался и не сломал строй, увлекшись легкой добычей. Наемники глядели не только на врагов, но и на товарищей слева и справа. Если атэвы в конном бою напоминают степной пожар, а арцийская конница подобна горной реке во время ливня, то дарнийцы движутся как источаемая вулканами Берега Злобы лава – медленно, неотвратимо, всесокрушающе.

Штефан Игельберг был доволен. Хайнц не подвел. Его удар был точен и равнодушен. Племянник не ненавидел, не развлекался, не искал глупой славы, а работал. Бой молодого дарнийца не пьянил и не пугал, он помнил, что должен продвигаться к центру, навстречу Жисю Фронтерскому и Стэнье-Рогге, после чего повернуть к среднему холму, над которым развевается знамя Лумэнов, и взять в плен Пьера Тартю. Хайнц был полон решимости исполнить полученный приказ, но ифранцы оправились после первого шока и начали сопротивляться, причем довольно успешно. Их было много больше, и они отнюдь не были новичками.

По мнению Штефана, самое время было появиться Жисю, но фронтерцы запаздывали. Отряд Хайнца продолжал ползти вперед, подминая тех, кто вставал у него на пути, но ифранцы начали бить по флангам, и ничего хорошего в этом не было.

– Монсигнор, – господин Игельберг повернулся к Рафаэлю, – эти фронтерские ослы нарушают диспозицию. Они уже должны были пойти вперед. Если они не появляются сейчас, наш авангард может быть окруженным.

– Штефан, – голос Рафаэля странно зазвенел, – вы не туда смотрите. Гляньте на дальние холмы…

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

– Вот и ваш резерв, Ваше Величество, – рыцарь в молочно-белом плаще учтиво поклонился Пьеру Тартю, но в умных зеленоватых глазах особого почтения не было, – насколько я понимаю, помощь фронтерцев обошлась ифранской казне недешево.

– Почему мне ничего не сказали? – выдохнул Пьер, с замиранием сердца глядя, как фронтерские тысячи с тыла бросились на ничего не подозревающих арцийских лучников, вырубая всех, до кого могли дотянуться.

– Сейчас Ваше Величество увидит красивое зрелище, – рыцарь Оленя тонко улыбнулся, – Зло будет биться со Злом. Когда все кончится, Вашему Величеству останется лишь наградить или убить победителя. В зависимости от того, кто победит. Но, боюсь, придется не карать, а платить. Горбун обречен.

– Почему мне ничего не сказали? – тупо повторил претен-

дент на арцийский трон.

– Ее Иносенсия велела держать договоренность в тайне до самого конца. Не стоило вселять в Ваше Величество надежду, которая могла оказаться ложной. Фронтерцы в последний момент могли подвести.

– Они бы и подвели, – вмешался ифранский маршал, – если б Тагэре не приказал вешать за разбой и грабежи. Дарнийцам от этого ни жарко ни холодно, но Жись оказался между двух огней и решил изменить. Кстати, мой вам совет, Ваше Величество: после победы отправьте этих мерзавцев домой. Или перевешайте. Но не держите при себе, сами видите, к чему это приводит.

– Когда мне понадобится ваш совет, сигнор Жуай, – в резком голосе Пьера Тартю зазвучал металл, – я вас спрошу, а пока помолчите.

Ифранец пожал плечами. Ему был противен этот тщедушный человечек. Трус и ничтожество… Мгновение назад трясся от страха, а теперь выговаривает ему, Ипполиту Аршо-Жуаю! Пытается выглядеть королем, чтоб его! Но план Ее Иносенсии и впрямь сработал, конечно, приятнее выигрывать честно, но такое вряд ли было возможно.

Что ж, начало положено. Тагэре остался без лучников и легких пехотинцев, хотя его передовой отряд изрядно расстроил северный фланг. Один дарниец стоит пяти фронтерцев, а дарнийцы не изменили.

Сражение не закончено, хотя исход его и предрешен. А

жаль, хорошо бы Эмразу еще разок позеленеть со страху.

Ипполит относился с опаской к циалианским рыцарям и не переносил трусов, к каковым, без сомнения, относился человек, которого требовалось посадить на арцийский престол. Если б маршал мог выбирать, он бы возглавил нацеленную на Оргонду армию, а не таскал хвост лумэновскому отребью. Ипполит Аршо-Жуай – воин, а не интриган и тем более не палач. Жуай сбросил плащ на руки оруженосцу – солнце поднялось высоко, и стало слишком жарко – и сосредоточился на происходящем. Арцийский авангард понял, что произошло, и остановился. Его командир, кто бы он ни был, головы не потерял. На фланге идет драка, но обе стороны понимают, что дело решается не здесь. Впереди на холмах продолжалась бойня, хотя есть потери и у фронтерцев. Ипполит постарался разглядеть, что творится на командном пункте Тагэре, но мешали солнце и поднявшаяся пыль.

Ну, горбун, что ты предпримешь? Стрелков тебе, всяко, не спасти, будешь наступать или отойдешь? Любопытно, в какую из двух вырытых ям ты свалишься?

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

– Предательство! – Этьен Ландей выглядел удивленным и растерянным.

– Жабий хвост! Тонко подмечено, – зло рассмеялся Луи.

– Это не жабий хвост, а хвост нотации Филиппа с фронтерскими разбойниками, – тихо сказал Ювер.

– Как не вовремя, – серые глаза Александра сузились, но страха и неуверенности в его голосе не было, – хотя лучше здесь, чем в Мунте.

– Усатые ублюдки, – прорычал Одуэн, – они поплатятся.

– Выбьем предателей с холмов! – Никола сжал меч. – Тысячи с них хватит.

– А Тартю будет на это смотреть с любовью? – блеснул глазами Крэсси.

– Нет, со злостью, – вмешался Луи. – Сандер, ты пожертвуешь обозом из Гартажа?

– Обозом? – Король казался удивленным.

– Жабий хвост, потом объясню. Если ты отдашь мне обоз, через пол-оры их здесь не будет.

– Бери, дедушкин внучек. – Король внезапно засмеялся.

– Я быстро, – заверил граф Трюэль, – вы только тут без меня глупостей не наделайте.

Никола что-то крикнул в ответ, но Луи, давший шпоры своему атэву, не расслышал. Наследник великого Обена гнал коня к золотому осеннему лесу. План его был прост и незатейлив, как лопата. Если в дом забрались грязные дворовые псы, нужно открыть дверь пошире и выкинуть во двор шмат мяса. Уберутся как миленькие. Да еще и перегрызутся над дармовым угощением. Жись Фронтерский и его люди в глазах Луи Трюэля стоили не дороже таких псов. Можно было

догадаться, что «паучата» их купят в первую очередь. Сандер взял фронтерцев с собой, не рискуя оставлять их в Мунте. Это было правильно, потому что этим громилам в столице делать нечего. И неправильно, потому что Жисю нарушить слово – что царки выпить. Луи готов был надавать самому себе по морде, что не догадался раньше, но сначала нужно исправить ошибку.

Низкий, но широкоплечий фронтерец на лесной опушке чувствовал себя как дома. То, что рядом воевали, его мало волновало. Усатый дядька лет сорока выпивал и закусывал в согласии с лучшими фронтерскими традициями, забравшись за ореховый куст, дабы не искушать товарищей салом и царкой. Луи это было на руку. Собственно говоря, вся его затея вертелась вокруг милых обычаев Жисевых вояк. Этот, без сомнения, был оставлен охранять лагерь и улизнул перекусить. Что ж, он умер счастливым, с фляжкой в руке и набитым пузом. Луи, с отвращением сморщив нос, торопливо вытряхнул свежеиспеченного покойника из его долгополой одежки. Гварский Лось говорил, как она называется, но из головы вылетело.

Желто-лиловый плащ, на котором была любовно разложена всяческая снедь, оказался тут же. Арциец безжалостно стряхнул фронтерские деликатесы в жесткую осеннюю траву, вскочил на коня и, уже не скрываясь, галопом помчался по холмистому полю. В спину ему не стреляли, в грудь, к сожалению, тоже – ублюдки Жися свое дело почти сделали, и,

задержись Трюэль еще немного, фронтерцы обрушились бы на людей Рогге.

Внук барона Обена на полном скаку помчался между утирающими пот и кровь «земляками», во все горло крича о том, что за лесом богатый обоз из Гартажа, а эти нехай сами теперь справляются. И вообще пора до дому.

– Як поделим, на всех выстачит! – Прав был дед, чужой говор – ключ обмана… – А ти, дурные, ще не скоро кончат. Йим не до нас будет. По коням! Берем обоз тай тикаймо!

– Точно, – завопил кто-то высокий и рябой, – як в Пьера не выгорит, горбун з нас головы поснимает… Де обоз?!

– За яром, – махнул Луи, – там и тракт на Гаэльзу…

– Вказуй дорогу, – проревел пузатый сотник, устремляясь к ложбинке, в которой усачи оставили коней, и Луи понял, что удалось. – За мной! И швыдче, а то ти, лагерные, першими прискочут.

Это был сильный ход! Те, кто остался в лагере, не только сохранят свои поганые шкуры, но и поживятся?! Ну уж нет! Фронтерцы, бросив добивать огрызающихся лучников, повскакивали на лошадей и вопящей лавиной устремились за Луи. Обоза было жалко, но его потеря была меньшим из зол. Без налога из Гартажа Арция проживет, без наемников с востока тоже. Осенью они с Лосем прогуляются в южную Фронтеру и заставят усатых грызть свои копыта… Нет, не копыта, друг друга. Тамошний господарь три шкуры спустит с Жися и за войну, и за то, что вернулся до срока. А Жись

вернется, куда кошка, туда и хвост, а когда войско грабит обозы, голова становится хвостом, а вожаками – мародеры. Вот этот пузатый – самое то!

Бедные возчики… Они не ожидали погрома, ну да судьба их, видать, такая. Фронтерцы лихо вылетели из-за леска и, увидев основательно сооруженный лагерь со множеством телег, взвыли от восторга. Впереди всех мчался давешний пузан, похожий на оседлавшую коня бочку с ногами. Дальше Луи не смотрел.

Особой набожностью граф Трюэль не страдал, но, разворачивая коня, он шептал нечто весьма похожее на молитву, призывающую милость небес к несчастным обозникам, которых он предал. Сзади раздались вопли и брань. Псы сцепились над куском дымящейся требухи. Нажрутся, передерутся и уйдут. И скатертью дорога. С сего дня старая, подписанная Филиппом Тагэре нотация перестает действовать. Луи наметом поскакал назад, держась слегка в стороне, дабы не вводить во искушение опаздывающих мародеров, и взлетел на невысокий холм. Дни стояли сухие, рассмотреть что-то за тучами пыли было непросто, но Трюэль понял, что схватка идет в двух местах.

Вдали клубилось огромное пылевое облако, видимо, Сандер и Рогге ударили в лоб Пьеру, вблизи шла драка поменьше. Племянник Штефана, чуть не погибший из-за предательства фронтерцев, вновь пошел вперед, и Луи решил присоединиться к нему. Сорвав и бросив желто-лиловые тряпки

и подняв забрало, Луи с кличем «Арция и Тагэре!» бросился к дарнийцам. Графу повезло, его узнали сразу.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Фронтерцы и впрямь убрались, словно их и не было, но они были и уничтожили лучников. Или почти уничтожили. Сандер смотрел прямо перед собой, чувствуя, что должен понять нечто важное, то, от чего зависит все. Какая-то мысль билась о края сознания, но король никак не мог ее ухватить. Сзади переговаривались «волчата», впереди маячили войска Тартю, с одной стороны заметно потрепанные племянником Штефана, в небе сияло солнце…

– Почему они не бегут? – Кто это спросил? Кажется, Ювер Трюэль. Конечно, Ювер, другие предпочитают вопросы попроще.

– Не бегут, так побегут! – Это, разумеется, Никола.

– Как увидят, что их распрекрасные фронтерцы смылись, так и деранут, – согласился Одуэн.

– Они уже должны иметь известие про ретираду неверных союзников, – вмешался вызванный к королю Штефан Игельберг, – отряд, вверенный моему племяннику, вновь пошел вперед.

– Эмраз – ничтожество, – не к месту напомнил Этьен Ландей, – он не воин, не рыцарь, даже не нобиль. Чувство чести

ему чуждо.

– Не усложняй, – засмеялся кто-то из Крэсси, – зачем столько слов? Кошкин сын и есть кошкин сын…

– А поэт есть поэт, – нежным голосом добавил Одуэн, – ему неприятно говорить о кошачьих лапах.

– Как бы мы его ни называли, – тихо проговорил Ювер, – но Тартю стоит на месте, и с ним надо что-то делать, пока Луи морочит фронтерцев.

– Он не морочит их, нет, – Штефан Игельберг для убедительности покачал большой головой, – граф Трюэль завлекал их грабить обоз из Гартажа. Деньги у Тартю они уже получили, теперь фронтерские свиньи уйдут по Гаэльзской дороге, о них мы можем забывать навсегда. Но я бы не стал сейчас воевать, наши силы есть равные примерно, но у нас погибали почти все лучники и плохо с пехотой. Начинать конную атаку есть рискованно. Мое скромное мнение – нам следует возвращаться в укрепленный лагерь. Пусть наш противник берет инициативу и пытается нападать. Мы быстро сворачиваем ему глупый голова.

– Что скажешь, Сандер? – подался вперед Одуэн. – Противно, конечно, но Штефан прав. Лезть вперед глупо, а Эмраз никуда не денется. Чем дольше простоит, тем больше струсит. Мы его всяко расколотим, но зачем людей класть?! Выведем из боя Хайнца и отойдем в лагерь…

– Нам спешить некуда, – подтвердил Герар, – чай, не у Мелового.

Мелового… Рауль! Рогге с Жоффруа… Вот оно! Сандер сжал кулаки. В такую передрягу ты, мой дорогой, еще не попадал. Разве что вызвав на дуэль Мулана, но тогда ты понимал, что идешь на смерть, а сейчас просто попался… Глупо, на ровном месте. Наверное, это семейное.

Король спокойно повернулся к своим друзьям. Они ничего не понимают. Разве что Юверу не дает покоя поведение Пьера. У тебя только один выход, Сандер Тагэре. Только один…

– Ювер, – медленно произнес Александр, – ты не понимаешь, почему Эмраз не удирает, но, может быть, ты поймешь, почему с нами навязался его отчим?

Точеное лицо, так не похожее на расплывшуюся физиономию старика Обена, не дрогнуло. Виконт Тар ответил все так же тихо и рассудительно:

– Ты полагаешь, Рогге решил проделать с нами то же, что с Раулем? Тогда нам нельзя возвращаться в лагерь.

– Предательство?! – схватился за меч Одуэн. Ландей непонимающе обвел друзей бездонными очами. Никола Лагар выругался, кузены Крэсси нахмурились, став еще более похожими друг на друга, на скулах Эжена Трюэля заходили желваки…

– Предательство, – подтвердил король. – Не знаю, что они собирались делать раньше, но после ухода фронтерцев Рогге ждет, что мы отступим.

– Нас одна тысяча и отдельно еще пять сотен против двух

тысяч предателя и еще четырех тысяч открытых врагов, – заметил господин Игельберг, – и у нас нет хорошей позиции. Это неприятная и серьезная ситуация. Это даже хуже, чем в наш первый совместный бой.

– Вы хотите уйти? – быстро переспросил Александр наемника. Он бы не осудил его, постарался бы не осудить…

– Я есть барон Арции и оставаюсь с моим сюзереном, – Штефан, как всегда, подробно объяснял причину своего решения, хотя его племянник был сейчас далеко, а как бы кстати пришлись его пять сотен. – Мужчина и воин должен иметь честь, чтобы не стать на тех фронтерских свиней и этих многоразовых предателей похожим. А умирать на поле боя я уже более сорока раз мог. Я готов к этому и сегодня, но сначала нужно попробовать исправить мечами нашу ошибку. Я есть в распоряжении моего короля, но что мы должны делать?

– Спасибо, Штефан, – просто сказал Александр, – я рад, что ты со мной. А выход у нас один. Рогге ждет, что мы выведем из боя Хайнца и вернемся в лагерь, где он повторит свой старый «подвиг», причем постарается застать нас врасплох – ночью или во время еды. Если мы в ловушку не пойдем, они нападут с двух сторон: у нас неудобная позиция, и на нашего одного придется четверо, если не пятеро. Если мы схватимся с Рогге, наши решат, что мы сошли с ума, а Эмраз ударит нам в спину.

– Значит, мы должны прикончить Эмраза, – улыбнулся одними глазами Ювер.

– Да. Если мы успеем до него добраться, прежде чем Рогге поймет, в чем дело…

– То наш флюгер сделает вид, что ничего плохого и не замышлял, – закончил Эжен Трюэль, до боли напомнив отсутствующего Луи.

– Да, не станет Тартю, не будет и предательства.

– Но потом нужно будет очистить государство от таких людей, – покачал головой Игельберг. – Их голова должна находить себя не на плечах, а в другом месте.

– Штефан, – блеснул глазами Александр, – я уверен, что Рогге предатель, но доказательств у меня нет. И не будет, если мы победим…

– Сначала имеет быть война, но потом необходим суд, – не согласился дарниец, – но я пошел готовить моих людей. Да пребудут над нами милость Триединого, Святого Эрасти и святого Штефана.

– Арде, – прошептал Никола и осекся.

– Жабий хвост! – натянуто улыбнулся младший Крэсси, но никто не засмеялся.

– А может, все не так? – Этьен с надеждой оглядел друзей. – Не может быть, чтобы рыцарь задумал такое предательство!

– Проклятый, – взорвался Одуэн, – вспомни Рауля, турнир и Ифрану. Мы попались, но еще не вечер!

– Именно, – подытожил король, отвернувшись к Юверу и давая понять, что разговор окончен. Одуэн резко взмахнул

рукой, подзывая оруженосцев.

Готовились к бою молча, только фыркали кони да изредка звякало оружие. Сандер слегка помедлил, положив руку на холку нетерпеливо перебиравшего ногами Садана. Он ни о чем не думал, или почти ни о чем.

– Александр!

– Ювер?

– Сандер, только не злись. Давай обменяемся плащами и шлемами. Как у Мелового… Ты должен выбраться из этой ловушки. Когда мы начнем, пробивайся к лесу и скачи в Гвару. Потом вернешься и прикончишь этого ублюдка. Помнишь, что говорил Евгений? Король остается королем, где бы он ни был. Ты нужен Арции.

– Арции нужен король Тагэре, а не трус, откупившийся жизнями друзей!

– Сандер!

– Прости, Ювер. Я благодарен тебе, но я должен или победить, или умереть королем. Так надо. Если я побегу от этого ничтожества, я признаю его права и его силу. Этого не будет! Вспомни отца и Эдмона. Из их смерти родилась победа… И потом, если я пойду первым, у нас будет хоть какой-то шанс.

– Прости, я забыл, что ты еще и первый меч Арции. Мне тебя не заменить…

– Но в чем-то ты прав. Мне уходить нельзя, но вот вы с Эженом или Этьен… Может быть, кто-то из вас…

– Не думай о нас хуже, чем о себе. Мы – «волчата».

– Ваше Величество…

Кто? А, один из оруженосцев Герара.

– Ваше Величество. Перебежчики от Рогге. Двое.

Совсем юный светловолосый и кареглазый нобиль и ветеран со шрамом на виске. Они не сговаривались, просто честь воина и свойственная молодости искренность не позволили им ударить в спину своему королю. А ты, Сандер, можешь гордиться своим задним умом. Ты угадал, Рогге не просто замыслил предательство. Он уже принес присягу Пьеру Тартю, как когда-то Филиппу Тагэре…

Александр тепло улыбнулся двоим не предавшим его воинам. Двоим из двух тысяч! И те невольно улыбнулись в ответ. А король легко, без посторонней помощи вскочил в седло и принял из рук оруженосца боевую секиру. Знаменитый меч висел на боку, но для того, что он задумал, больше годилось другое оружие. Последний из Тагэре станет наконечником копья, направленного на прячущегося за чужими спинами ублюдка.

За спиной короля тихо, без привычных шуток и смешков, выстроились «волчата». У каждого было свое, ставшее привычным за годы бесконечных войн место. Одуэн Гартаж прикрывал спину Александра, рядом с ним плечом к плечу шел Никола Герар, затем кузены Крэсси, Ювер и Эжен с Ландеем, а вот места Луи и Рито заняли двое перебежчиков. Ветеран, тот не подведет, но за молодого Сандер немного беспокоился, хотя тот сам все решил, протянув руку слабейше-

му. Может, судьба его помилует… За «волчатами» шли их отряды, к несчастью, слишком малочисленные, и, наконец, дарнийцы. На случай, если Рогге все же ударит в спину.

Сандер оглянулся и заметил, как блеснул шлем Штефана Игельберга. Хороший, добротный шлем, украшенный подвитыми перьями авеструса. А Рито в облегченном доспехе… Ну да ведь это черепаху защищает панцирь, а мангуста – ловкость и быстрота… Наверное, нужно было что-то сказать, но что?

Король еще раз улыбнулся:

– Друзья. Если мы выживем, то будем счастливы. Придут лучшие времена! Я рад, что у меня есть вы, постарайтесь остаться в живых, если сможете. Даже если меня не будет. Смерть короля – еще не смерть королевства. Моим преемником станет сын Жоффруа и Изо. За ним идут Артур и Жан Бэрроты, Сезар Мальвани, Рафаэль Кэрна и, если будет совсем плохо, граф Лидда. Вот и все. Такова моя воля. На арцийском троне не должно быть бастарда. Даже Филиппа Рунского или Шарля Тагрэ. А сейчас – забудем о смерти! Мы обречены на победу! И мы победим! Вперед!

Сандер рывком опустил забрало и тронул поводья, Садан взял с места легкой, грациозной рысью. За королем вниз по склону двинулись и другие. Шли тихо – предатели не должны раньше времени узнать, что их замысел раскрыт. Не звучали боевые трубы, не кричали всадники, только слабый ветерок колыхал плюмажи и вздымаемые оруженосцами кон-

сигны. Обогнули холм благополучно. Впереди лежала широкая, пологая ложбина, на другой стороне которой развевалось знамя Тартю, алое знамя с золотыми нарциссами, знамя, о котором Арция почти забыла. Дольше скрываться не имело смысла. Наоборот! Александр поднял руку, грянули фанфары, кони с легкой рыси перешли в тяжелый, всесокрушающий галоп.

Сверкающий клин вылетел на залитый солнцем склон. Вспыхнула серебром королевская орифламма, и, словно отражая ее, загорелись три звезды Крэсси, сжала когти орлиная лапа Гартажей, поднял тяжелую морду обычно сонный бык Трюэлей, вскинул крылья альбатрос Герароов. Несколько десятков рыцарей, словно синим атэвским клинком, вспороли покрывавший ложбину шевелящийся красный ковер. Захваченная врасплох армия Пьера Тартю дрогнула и подалась назад.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Позеленевший от ужаса Эмраз не отрывал взгляда от бьющейся на ветру королевской орифламмы. О таком он не договаривался! Фронтерцы куда-то делись, Рогге стоял на месте, а сумасшедший Тагэре рвался вперед, расшвыривая ифранских наемников. Еще немного – и он будет здесь! С высоты холма синяя стрела, рассекающая красное море, была пре-

красно видна, и она неотвратимо приближалась, а на самом острие неистовствовал всадник на черногривом коне, казавшийся Пьеру страшным великаном. На самом деле король был среднего роста, ненамного выше его самого, но в боевых доспехах, верхом на Садане, во главе своих рыцарей, он был страшен, и Пьеру очень захотелось вновь очутиться в Авире.

– Командор Бавэ! – Голос претендента на престол, высокий и скрипучий, был куда громче, чем следовало для таких слов. – Где Стэнье?! Он обещал…

– Отчим Вашего Величества выжидает подходящего момента, – сообщил рыцарь, в глубине души посылая Эмраза к Проклятому. Такому не армии водить, а сидеть, скажем… на троне. Даже странно, что этот трус с вечно недовольной физиономией и расстроенным желудком – не сын Паука. Циалианец положил руку на рукоять меча.

– С вашего разрешения, Ваше Величество, я вас покину. Мое присутствие требуется в другом месте.

Пьер его, похоже, не расслышал, его мысли были заняты другим.

– Ждет?! Чего?! – визжал сынок Анжелики Фарбье в лицо ифранскому маршалу. – Когда горбун снесет мне голову?! Он уже близко!

– Не так близко, как вам кажется, – Жуай с трудом сдерживал раздражение, – вы смотрите с вершины, это приближает противника. Тагэре нужно прорваться сквозь наши ряды и подняться на холм, он неминуемо потеряет разгон, да

и людей с ним очень мало.

– Если Рогге не двинется с места, я прикажу отступать! Слышите?! Пошлите к нему гонцов! Немедленно.

– Уже послали, Ваше Величество! – Ох, не надо было об этом говорить! Бывший виконт Эмразский, нынче называвший себя Пьером Лумэном, впал в одну из своих истерик, выводить из которых его умела лишь мать, по понятным причинам на поле боя отсутствующая. Еще больше позеленев, Тартю, не стесняясь того, что его слышат, заголосил о том, что Рогге предал и надо бежать.

Аршо-Жуай и сам не исключал такого развития событий: «верность» Селестина давно вошла в поговорку, но нельзя же вопить о поражении при всем честном народе! А Тагэре хорош! Ему и впрямь нет равных. Ифранец в молодости был отменным бойцом и не мог не восхищаться чужой отвагой и мастерством, даже если это ломало тщательно продуманные планы. А ведь горбун и впрямь может прорваться. Если Стэнье струсит, так скорее всего и будет. Пусть арцийцев раза в четыре меньше, но один волк стоит полчища драных кошек. Ах, как он дерется! Маршал поймал себя на том, что чуть не закричал «браво», глядя, как король снес голову зазевавшемуся наемнику.

– Я приказываю отходить! – Вопль Тартю напомнил ифранскому полководцу о его миссии. – Он сейчас будет здесь!

– Вполне возможно, Ваше Величество, – заметил стояв-

ший рядом с претендентом на корону светловолосый Базиль Гризье. – Не угодно ли Вашему Величеству решить спор в честном поединке?

А Базиль – шутник, даром что из «пуделей»! В честном поединке… Если б пьеров тартю было десять и они напали на одного Тагэре со спины, это еще могло сойти за честную схватку с непредсказуемым концом, но один на один… Дралась лягушка с аистом…

– Маршал… – Интересно, когда этот ублюдок прекратит зеленеть? Кажется, дальше некуда, ан нет. – Кузина Жоселин обещала, что я буду в безопасности. Почему вы молчите? Где Рогге?! Вы меня предали!

– Мы верны вам, Ваше Величество, успокойтесь. Если вы желаете отступить…

– Да! Желаю! Немедленно. Я возвращаюсь в Ифрану!

– Ее Высочество будет недовольна.

– Ее бы сюда! Это ей мешает Тагэре, ей! Она меня заставила, я не хотел… Она и мать. А теперь меня убьют из-за вас. Мы сдадимся! Слышите?! Мы сдаемся. Горбун нас помилует, он такой… Прикажите сложить оружие!

– Нет, Ваше Величество. Если Вашему Величеству угодно отступить и вернуться в Ифрану, мы так и поступим, но сдаваться противнику, который в четыре раза малочисленней, Аршо-Жуай не станет и Вашему Величеству не позволит!

– В четыре?! Да он сейчас будет здесь, и мне плевать, что на флангах полно наших остолопов. А ваш Рогге заодно с

Тагэре! Горбун побеждает, разве вы не видите?

Маршал Аршо-Жуай видел. В воплях зеленого труса было зерно истины, даже два. Отряд Тагэре и впрямь мог прорваться к холму, и сам Проклятый не сказал бы, кто в этой схватке победит. Эмраз, во всяком случае, мог лишиться своей облезлой башки, да и самому маршалу не улыбалось попасть под секиру осатаневшего арцийца. Второй правдой было то, что Селестин Рогге раздумал предавать своего короля. Все с самого начала пошло вкривь и вкось: фронтерцы куда-то делись, не доведя дела до конца, а Рогге или узнал что-то неприятное, или, из свойственной ему осторожности, решил выждать и посмотреть, чем все кончится, а кончится скорее всего тем, что «волчонок» добьется своего. Пожалуй, и впрямь лучше отступить, хотя Жоселин и будет недовольна. Циалианец куда-то запропастился, придется брать ответственность на себя.

– Чего вы молчите?! Где мой конь? Где эскорт?!

– Ваше Величество, сейчас все будет…

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Граф Стэнье-Рогге видел, что атакованная с двух сторон армия Пьера, несмотря на подавляющее превосходство, вот-вот обратится в бегство. Это было неприятно, но ничего непоправимого пока не произошло. Странно, что король

ударил вместе с дарнийцами, не прислав гонца с приказом закрепить и развить успех. Впрочем, посланец мог погибнуть, а скорее всего Тагэре счел ситуацию настолько очевидной, что предоставил своим военачальникам действовать самостоятельно.

Интересно, куда девался Жись? Хорош союзничек – начал за здравие, а кончил за упокой. Хотя чего еще ждать от фронтерцев. Воины они сносные, но верны только своим вожакам, да и то до обеда. На них надеяться – себе дороже. Хорошо, если совсем убрались, а то ведь могут и в спину ударить.

Селестин все больше досадовал, что позволил Анжелике и Аганну себя уговорить. Конечно, Александр Тагэре его не терпел, но король сам жил и давал жить другим. Неприязнь, которую горбун испытывал к нему из-за Рауля, выказывалась лишь в отстраненной, холодной вежливости. Младший сын Шарло задался целью раз и навсегда покончить с раздорами в Арции и всячески давал понять, что родичи и соратники Лумэнов для него такие же подданные, как и сторонники белых нарциссов.

При «волчонке» можно было спать спокойно, хотя, конечно, хотелось большего. Хотелось стать канцлером или, на худой конец, протектором какой-нибудь провинции побогаче, того же Ларрэна, – и все равно ему жилось неплохо. Если б не Анжелика! Зря он с ней связался, хотя тогда казалось, что Лумэны вернулись надолго. А сын у нее – дрянь. Ничто-

жество, причем злое и подлое. Кузнечик Филипп, тот хоть и был чучелом, но помешанным на рыцарстве и благородстве, этот же… Если Пьер напялит корону, за ним придется смотреть в четыре глаза, чтоб не попробовал избавиться от тех, кому всем обязан. С него станется, и с его матушки тоже, хотя не похоже, чтоб пасынок осквернил своей тощей задницей арцийский трон. По крайней мере, на сей раз. А Сандер – молодец, хорошо взял! Один рывок – и половина расстояния до холма, на котором засел Тартю!

А может, ну его? Пусть идет, как идет. Когда Тагэре окажется у подножия, он ударит по Пьеру с юга, а дарнийский отряд добавит с севера. И прости, дорогой родственник, ты мне, конечно, пасынок, но честь и Арция дороже. Горбун оценит. Пусть Трюэли и Крэсси ворчат – король наградит. Тагэре прямо-таки помешан на справедливости: чем меньше кого-то любит, тем больше старается не обижать. Он скорее на своего драгоценного мирийца рявкнет, чем на Вилльо или Гризье. Если, разумеется, те на горячем не попадутся… Ха, если Вилльо решились поднять бучу в Мунте, а король вернется с победой, – головы полетят. Ну и Проклятый с ними! От добра добра не ищут. Решено, он позволит горбуну победить и даже поддержит, а Анжелика пусть удавится. В конце концов, можно и для себя немного пожить. Пусть жена торчит в Ифране, он с ней разведется, как с изменницей, к тому же первой оставившей мужа, и женится на молоденькой дочке какого-нибудь обедневшего барона… В политике главное

– вовремя остановиться. Выше головы не прыгнешь.

Нет, каков Александр! Его отец и тот так бы не смог! Бедный Пьер, он же наверняка обгадился, на это глядючи! Впрочем, есть в кого. Покойный Орельен Тартю тоже был трусом отменнейшим.

– Монсигнор!

– Да, Робер?

Монсигнором [12] Стэнье отродясь не был, но такое обращение было графу приятно, и капитан Робер Фэрон это знал. Робер был сыном отца Селестина и то ли поварихи, то ли мельничихи, но спал и видел стать нобилем. Графа это устраивало. Он сделал Робера капитаном своей стражи и дал понять, что когда-нибудь пожалует ему первичную сигну. Этого было достаточно – Фэрон, чтобы угодить своему сигнору, рыл носом землю.

– Монсигнор, я готов.

– Подождем еще немного. Пусть горбун доберется до холма.

– Но сейчас наша позиция лучше.

– Если бить Тагэре, но мы будем бить Тартю.

Капитан был удивлен, и Селестин счел уместным пояснить:

– Я передумал. Тагэре меня устраивает больше, к тому же он будет мне обязан… Ты что-то хочешь сказать?

---

[12] *Монсигнор* – обращение к особе королевской крови или владетельному герцогу. По отношению ко всем остальным – лесть.

– Монсигнор, не уверен, что это важно. Но ваш двоюродный кузен…

– Роальд? Что натворил этот гусенок?

– Он ушел к горбуну.

– Когда?!

– Я… Мне донесли об этом пол-оры назад.

– И ты молчал?!

– Я не думал, что это так важно…

Еще бы, не думал. Не хотел сообщать неприятную новость. Хорошо, хоть сейчас сказал, а то все бы пошло прахом. Этот недоносок Роальд играет в рыцарей. Несомненно, он сообщил сюзерену о… Назовем жабу жабой. Об измене графа Стэнье. Теперь понятно, почему король бросился в эту безумную атаку, не поставив его в известность. Александр – умница, он чуть было не выиграл сражение и войну.

Селестин молча выругал себя за то, что влез в эту яму, но деваться было некуда. Дело о государственной измене рассматривает не король, а Генеральные Штаты, а выборные с восторгом отправят его на плаху. Горбун не вмешается – если он позволил обезглавить Гастона Койлу, то графа Стэнье и подавно не защитит. Что ж, остается один выход.

– Робер, выводите людей.

– Но, монсигнор, вы же сами сказали, что рано.

– Я еще раз передумал. Мы ударим по горбуну.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

А ведь было мгновение, когда он подумал, что пронесло и Рогге не решится. Решился. То ли оказался смелее, чем о нем думали, то ли, наоборот, трусливее. Тяжеловооруженные всадники, меченные белым оленем, ринулись вперед. Будь проклята эта сигна, знак предательства, трусости, подлости! Но подлец – не обязательно дурак. Рогге выстроил своих людей в фигуру «кабан»: по бокам «клыки», они охватывают фланги. В середине – «рыло», нацеленное в тыл. Но тыл – это дарнийцы Игельберга, они выдержат… Теперь главное – скорость. Дорваться до Тартю, пока Рогге не набрал разгона. Это невозможно, но, если нет другого пути, надо сделать и невозможное. Или, по крайней мере, попытаться. Александр поднял коня на дыбы, вглядываясь вперед. Нет, не прорваться, но мы еще живы, и до победы ублюдкам ох как далеко.

Сердце на мгновение сжалось. «Волчата»… Обреченный отряд. Нет! Правда не может быть обречена, а они правы. Поудобнее перехватив секиру, Тагэре дал шпоры коню, и Садан, испустив громовое ржание, ринулся вперед. Они были ровно на полпути к холму, над которым реяло ненавистное знамя Лумэнов, знамя, с которым в Арцию не раз приходила беда. А «красные», увидев «оленей», ожили. Еще бы, они по-

чти проиграли, но «почти» на войне – это очень много. Последний из Тагэре бросился на сверкающий железом строй, словно на деревянную стену, которую нужно и можно проломить. И стена дрогнула, не выдерживая неистового напора.

Ржали обезумевшие кони, оскальзываясь на залитых кровью, закованных в броню телах, валились под копыта вперемешку раненые, мертвые, выбитые из седла, лязгало и трещало, словно в кузнице, ломалось и крошилось железо, но король и его рыцари казались заговоренными.

Сандер рубился на самом острие клина, и его было прекрасно видно. Верхом на Садане, в залитых чужой кровью доспехах, с секирой в руках, он, на самом деле не столь и высокий, казался богатырем, от которого не спастись. Каждый удар отправлял кого-то в преисподнюю. Оказавшиеся на пути страшного всадника невольно осаживали лошадей, тесня друг друга, в надежде, что минует… Кое-кому и впрямь «везло» – и они, избегнув королевской секиры, оказывались лицом к лицу с разъяренными «волчатами». Сталь, ударяясь о сталь, высекала искры, наземь летели растерзанные плащи, изломанное оружие, разбитые щиты, сбитые со шлемов перья.

Проскакал обезумевший конь со вздыбленной гривой, сбивая всех, кто попадался ему на пути; громко, по-звериному взвыл воин, чья рука с обломком копья полетела вниз, на окровавленную траву, над кровавой круговертью взметнулась и опустилась секира, отсекая голову ифранскому де-

сятнику, осмелившемуся заступить путь арцийскому королю. Краем глаза Александр заметил нацеленное на него копье и сверкнувший меч Одуэна. И вновь скалящиеся забрала, богохульства вперемежку с молитвами, опененные кони, груды изрубленных тел… Проклятый! Они почти стоят на месте! Холм с красным знаменем на вершине далек, страшно, безнадежно далек… Но мы еще живы! И мы вместе, значит – вперед! Замахнуться, привстать в стременах, ударить, снова замахнуться…

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Пьер Тартю приосанился. Алый плащ с золотыми нарциссами надежно скрывал неприятность, происшедшую с нижней частью костюма претендента на арцийский престол в те мгновения, когда казалось, что Александр Тагэре вот-вот прорвется к наследнику Лумэнов. Землистое лицо приняло выражение, которое могло бы сойти за величественное, не будь черты Эмраза столь незначительными. Странное дело – вместо радости Аршо-Жуай испытывал чувство, сходное одновременно с похмельем и волчьей тоской.

Все вышло именно так, как рассчитали регентша и Ее Иносенсия. Аршо-Жуай всю жизнь воевал с арцийцами, они были достойными врагами. Победа такой ценой хороша для политиков, но не для воинов.

Дело Тагэре обречено, через ору или две в Арции будет новый король, вот этот обгадившийся ублюдок, но бой продолжался. Александр и его рыцари не могли не понимать, что обречены, но никому и в голову не приходило сложить оружие или перейти на сторону победителей. Даже дарнийские наемники… Вот и говори после этого, что у них нет чести. А вот твоя честь, маршал Аршо, похоже, останется на Гразском поле. Тебя не хватило даже на то, чтобы надеть доспехи и преломить копье с арцийским королем. Ты струсил, Ипполит. Таких, как арциец, можно лишь задавить числом или застрелить в спину. Эту войну выиграл не ты, а Жоселин с Рогге.

Проклятый, Тагэре всегда славились умением умирать. Казнь Эдмона стала легендой, легендой станет и последний бой Александра. А Пьеру на троне удержаться будет непросто, даже с помощью Жоселин и Церкви. Маршал готов поклясться, что не пройдет и года, как Арция заполыхает. Ифране это только на руку, – так что же он не радуется? А Тагэре все еще дерется… Проклятый, не просто дерется, а рвется вперед. Неужели решил довести задуманное до конца? Нет, Александр не безумец, он всегда умел оценить положение. Просто король решил погибнуть по-королевски! То, что его рыцари остаются с ним, еще можно понять, но дарнийцы?!

Не забыть бы про тот отряд, что вцепился в северный фланг, – их не так уж и много, но неприятностей они могут

наделать. А Базиль Гризье куда больше похож на короля, чем Пьер, даром что сынок заштатного барона. Ипполит изо всех сил пытался думать о чем угодно, но не об убиваемом на его глазах арцийском короле, но это у маршала получалось плохо. Скорей бы… Так будет лучше для всех.

– Скорей бы, – процедил сквозь зубы граф Мо. Силы сынка Элеоноры тоже были на исходе, но Пьер Тартю истолковал эту реплику по-своему. Выпятив убогую грудь, он громко и визгливо провозгласил:

– Герольды. Сообщите всем. Если простой воин принесет мне голову горбуна, он получит рыцарскую цепь. Нобиль станет бароном, а барон – графом!

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Король отшвырнул секиру и выхватил меч. Во-первых, тот был легче, а во-вторых… Во-вторых, если умирать, то ощущая в руке эту рукоять. «Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре!» Он не сдастся и не отступит. Вперед, только вперед, туда, где за чужими копьями прячется ничтожество, лица которого он так и не смог вспомнить. Убить этого ублюдка – другого не дано! Сандер не думал о том, что задуманное невозможно, что между ним и Тартю набивается все больше и больше ифранцев и вояк Рогге. Назад пути не было. Может, и можно свернуть, прорваться в обход холма,

укрыться в овраге, но Тагэре не бегают. Победить можно и смертью… Если иначе нельзя.

Беспокоили «волчата». Жертвуя собой, он жертвовал и ими, но по-другому он не мог. Он бы тысячу раз умер за каждого из них, он любил их, Проклятый, как же он их всех любил, но это они умирали за своего друга и короля. Нет, за Арцию! Придут лучшие времена, но за них нужно драться. Драться, и неважно, что будет с тобой…

Яростный солнечный свет, бешеный галоп Садана, рвущаяся над головой консигна, какие-то тени впереди – и смерть. Говорите, на смерть, как на солнце, в упор не взглянешь? Вранье! Пока есть за что умирать, смерти нет!

Где-то справа запела труба. Чужая! Словно в ответ заржал Садан, гордо и вызывающе, и сзади раздалось ответное ржание. Он не один, еще не один. С ним «волчата», они живы, их кони отвечают на зов. Живы, но все ли? А вот это уже хорошо. Белый плащ! Циалианец, и не из простых… А за ним – целый отряд. Проклятый, сколько же их! Ну, будешь прятаться за чужие спины или пойдешь вперед? Пошел… Прекрасно! Жаль, ты не Стэнье, не Жись, не Тартю, но ты ответишь за всех.

Белый взял разгон и пошел тяжелым галопом, подняв копье, которого у Сандера не было, как и щита, – но у него был Садан и черный меч, и еще он ничего не боялся и ни о чем не жалел. Атэвский жеребец, захрипев, рванул вправо, обходя врага, и Сандер наотмашь ударил отцовским мечом.

Сверкнуло что-то неистово-синее, под ноги обезумевшему коню скатилась отсеченная голова, а король, не оглядываясь, бросился дальше, рубя наотмашь всех, кто ему попадался.

Его проклинали, молили о пощаде, призывали сдаться. Он не слышал и не слушал, подхваченный последним, неистовым порывом, который возносит смертного превыше богов. Все ненужное, наносное, чужое было сорвано и унесено вихрем битвы, в душе Александра Тагэре не было места ни сомнениям, ни страху, ни отчаянию. Он исполнял свой долг, как исполнял его всю жизнь. Как пришитые, мчались по проложенной их королем кровавой тропе «волчата» и их сигуранты, но их становилось все меньше. Исчез младший Трюэль, битва разметала кузенов Крэсси, упал Этьен, но его конь продолжал безумную скачку рядом с Ювером и мальчишкой, привезшим весть об измене… Никола… Ранен? Убит? Нет, держится, несется рядом с Одуэном. Сломал свой меч о чье-то забрало, вырвал чужой и всадил во врага. Ювер! Где Ювер? Задержался… Секира поднялась и опустилась на чей-то наплечник… Хвала Святому Эрасти, догоняет…

Держаться, не отставать, не дать убийцам ударить Тагэре в спину. Что значит жизнь в сравнении с дружбой, что значит смерть в сравнении с честью?! Так уходили в песню по солнечному лучу герои былого, так шли на смерть повстанцы Анхеля и Эрасти, так дрались на Бетокском поле отцы и братья.

Впереди что-то мелькнуло. Что-то красное! Консигна! Консигна Тартю, они все-таки прорвались… Нет, лишь первая шеренга гвардии, а сам Эмраз далеко, за сотнями латников в красных туниках на вершине холма, до него не добраться… Что ж, пусть будет хотя бы консигна.

Садан, послушный своему господину, вскинулся на дыбы, ударил боевыми шипастыми подковами. Рослый лумэновец рухнул, подбив стоящего рядом, а черногривый ринулся в образовавшуюся брешь. Эти ублюдки никогда не знали цены знаменам, для них главное – спасти свою шкуру. Искаженные лица, скрежет металла, ржание, вопли… Мелькнул чей-то шлем, увенчанный головой ястреба, кто-то замахнулся секирой, кто-то попытался достать копьем… Встретят ли его друзья и враги и за Чертой, или там нет места земной вражде и земной присяге? Вот и консигна. Тяжелая, красная, шитая золотом… В грязь ее, под конские копыта, – и вперед! Тагэре для Арции, а не Арция для Тагэре! Отец, я все помню, помню, помню!

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Штефан Игельберг и маркиз Гаэтано разнились, как вепрь и пантера, но ладили неплохо и в жизни, и в бою. Мощь дарнийца великолепно дополнялась мирийской ловкостью и непредсказуемостью. Впервые встав плечом к плечу в теперь

уже далекой схватке с нобилями Ра-Гвара, Штефан и Рито научились понимать друг друга с полуслова, хотя на этот раз и понимать-то было нечего. Все гибло на глазах. Дарнийцы держались. Несведущему наблюдателю они могли показаться несокрушимыми, но Игельберг понимал, к чему идет. И Рафаэль тоже. Правда, была возможность развернуться и, сметая все на своем пути, вырваться из окружения. Каждый четвертый или даже третий вполне мог уцелеть и добраться до спасительного леса, но дарнийский отряд не поворачивал, а, ворочаясь, как обложенный гончими кабан, увязал все глубже, упрямо прикрывая спину обреченному королю и не давая Рогге замкнуть кольцо.

Сам Игельберг, на огромном гнедом Тойфеле Втором, в шлеме с пышным плюмажем, казался всесокрушающим железным великаном, способным одним мановением руки положить десяток обычных воинов. К сожалению, это было не так. Командир дарнийцев видел, что дело плохо, но это не повлияло ни на его сноровку, ни на его всегдашнюю обстоятельность. Аккуратно располовинив не в меру ретивого «оленя», Штефан схватил за узду коня Рафаэля, втянув его внутрь созданной дарнийцами живой крепости, и поднял забрало. Мириец последовал его примеру.

– Мой друг, – как всегда, господин Игельберг в бою страшно раскраснелся и все сильнее путался в арцийском, – мое мнение есть, что эта битва проиграна нами есть. План Его Величества смелый и разумный был, но он не состоял се-

бя. Не есть разумно всем умерщвленными быть, когда некоторые живыми выйти могут.

– Александр еще жив, – сверкнул глазами Кэрна, – и я его не брошу!

– Именно о Его Величестве я и хочу говорить, он должен спасаем быть даже назло его благородству. Мы станем держаться здесь, но мы есть быки, а ты есть мирийский танцеватель и друг короля. Ты должен его вытаскивать суметь… Я не знаю как, но твоя голова достаточно сумасшедшая есть для такого дела.

– Я… – Рито, наверное, впервые в жизни потерял дар речи. – Штефан, Сандер не отступит… Оттуда не вырваться, и я… Король приказал мне заменить Хайнца.

– Хайнц есть мой подчиненный. Если ты вместо его, я даю приказ тебе спасти короля, – совершенно серьезно ответил дарниец. – Если бы Тагэре можно было выручать через меч и секира, я бы делал это сам, но тут нужно что-то особенное. Про тебя всегда говорят, что ты спешишь, – почему в сегодняшний день ты стал терять время?

– Ты прав. Я вытащу Сандера – или умру. Нет, я вытащу его, Проклятый меня побери!

– Таким ты мне снова нравишься. Да! А теперь прощай. Скажи Хайнцу, что он есть наследник моих средств и моего титула.

– Штефан…

– Мы оставаться здесь, пока король жив и дальше, чтоб

не дать делать погони. Если вы спасетесь или умрете, мы тоже будем пробовать уходить, но надо думать о вероятном, а не о желательном. Прощай, маркиз Гаэтано. Да хранит тебя святой Штефан.

Рито в последний раз вгляделся в багровое голубоглазое лицо с нависшими пшеничными бровями.

– Вы – настоящий рыцарь, Штефан. Я надеюсь, мы еще увидимся.

– Это было бы хорошо быть. Но я возвращаюсь в мой бой. – Великан опустил забрало, и Тойфель протиснулся между своими товарищами. Сверкнула, отражая солнце, секира… Рафаэль рассеянно потрепал по шее Браво. Дарнийцы шли замыкающими; чтобы пробраться к Сандеру, бывшему наконечником живого «копья», нужна немалая ловкость и еще большее везение. Но даже это проще, чем вытащить короля из лязгающего, залитого кровью ада, в который превратилось Гразское поле. Рито Кэрна всегда был везучим, немыслимо, неимоверно везучим, но сегодня простой удачи было мало.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

О смерти Одуэна Сандеру сообщил вражеский меч, ударивший в спину. Чужой клинок пробил броню, но рана не была глубокой. Похоже, воин Рогге сам испугался сво-

ей удачи, или же прыжок почуявшего неладное Садана помешал предателю воспользоваться обретенным преимуществом. Александр Тагэре вздыбил коня, повернулся и полоснул убийцу мечом. Тот зашатался, потерял стремя и рухнул на уже мертвого виконта Гро, дольше всех защищавшего своего короля. Александр огляделся. Безумная атака захлебывалась. Сзади еще шла рубка, но на последний рывок их не хватит. Его не хватит! Если б не рана, он добрался бы до ублюдка, но между ним и Эмразом все больше и больше «оленей», порыв иссяк, а цель была так близко! Все было зря! Атака, бой, сама жизнь…

Сандер чувствовал, как немеет рука, по боку стекала кровь. Рана ерундовая, но как же она мешает! Впереди возник какой-то рыцарь с незнакомой сигной. Александр поудобнее перехватил меч, но ударить не успел – Садан вскинулся на дыбы и обрушил подкованные копыта на ошарашенного противника. У атэвских скакунов свои обычаи. Король еще держался в седле, и меч по-прежнему был продолжением его руки, но кровь не останавливалась, а легким не хватало воздуха. Его убьют или он просто истечет кровью? Садан совершил очередной кульбит, спасая седока от чужой секиры, и движение это отдалось резкой болью. Сандер прикусил губу и махнул мечом – жалкая пародия на коронный удар Тагэре, но противник упал. Отчего-то стало жарко, как в преисподней, из багрового марева появились еще двое, но он как-то управился и с ними.

Неужели он – последний?! Нет! Луи должен выжить, такие не умирают. И Рито… Байланте – с Игельбергом, тот за ним присмотрит. Еще один Белый, а он теперь такая легкая добыча. Легкая? Нет, рано он себя хоронит! Этого он уже пережил, а может, чем Проклятый не шутит, переживет и Пьера?! Король вновь поднял Садана на дыбы, пытаясь сквозь застилавший глаза туман рассмотреть Тартю или хотя бы Рогге. Не видно, лишь железные, безликие фигуры… До вожаков не добраться. Ты и впрямь сын своего отца, Сандер. Сто побед и одно предательство… Глупая смерть, и у тебя нет Рауля, который исправит твою глупость. Все мертвы. Нет! Луи жив! И Сезар… Живы… Они смогут…

«Они смогут…» – повторял, как молитву, Сандер, отбиваясь от последнего в своей жизни противника. Нет, не последнего. Дюжий наемник выронил секиру из раненой руки и поворотил коня, выбираясь из свалки. Кто-то попробовал схватить Садана под уздцы, глупец! Атэвские боевые подковы с «когтями» пробили броню, и убийца грохнулся на неловко вывернутую ногу Одуэна. Передышка… Лучше б ее не было, потому что кровь из теперь уже трех ран продолжает течь. Нужно забрать с собой еще одного, а лучше двоих или троих. Прежде чем все кончится раз и навсегда…

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Что Сандер ранен, и тяжело, – Рафаэль понял сразу, едва увидел знакомую фигуру на черногривом жеребце. Секиры у короля уже не было, он орудовал отцовским мечом, и как орудовал… Проклятый! Он же один среди этой своры. Совсем один. Неужели все погибли?!

Но Сандер жив… Десяток коронованных Тартю с Рогге и всеми «паучатами» мира в придачу не стоят одного Сандера. А король, перехватив меч левой, все-таки свалил урода в зеленом и схватился с новым наемником. Будь друг здоров, этот скот уже бежал бы в преисподнюю с головой под мышкой, но Александр ранен и измотан. О себе Рафаэль не думал, равно как об Арции, победе, чести и прочих красивых вещах. Мирийцу было плевать на менестрелей, которые будут или не будут петь о гибели последнего из Тагэре. Потому что гибели не будет, Сандер будет жить, Проклятый его побери. Будет!

Рито Кэрна, извернувшись зверьком со своей консигны, ткнул мечом в глаз коня какого-то ифранца и, оставив врага на милость взбесившегося от боли и неожиданности животного, послал Браво вбок и вперед, прорываясь к другу. К Проклятому Кодекс Розы! На Гразском поле больше не было маркиза Гаэтано. Среди ублюдков Селестина и ифранских

наемников бесчинствовал гварский разбойник, мирийский байланте, эландский корсар, для которого хороши все средства, лишь бы враг был убит, а друг спасен.

Между Рито и все еще сражающимся королем оставалось пятеро, четверо, трое… Если б не черногривый, Сандер уже был бы мертв, но конь коней в этот проклятый день доказал, что по праву носит свое имя. Мириец видел, что не всадник управляет конем, а Садан вертится, как бешеный, среди вражьих лошадей, отводя от ослабевшего седока кажущиеся неотразимыми удары. Александр был лучшим мечом Арции, он дрался, как бог, но бессмертным он, к несчастью, не был.

Какой-то «олень» возник рядом с обреченным, занося секиру, но она вместе со сжимавшей ее рукой свалилась на окровавленную траву под ноги обезумевшим лошадям. Какой удар! Перед Рито возник рыцарь с обрубленными перьями. Мириец саданул его по шлему, вернее, по крючку, на котором держалось забрало. Противник выронил поводья и медленно завалился на конский круп, но Рафаэлю было не до него. Он бросил Браво в образовавшуюся брешь и успел как раз вовремя, чтобы обрубить нацеленное в спину Сандера копье. Александр неуклюже обернулся на шум, но лязг и грохот глушат слова, если, конечно, король что-то сказал.

Теперь они бились рядом. Названые братья в легендах так и погибают – прикрывая друг другу спину, но Рафаэля это не устраивало. Мириец еще согласился бы умереть сам, но позволить сделать это Александру?!

Заставив Браво взбрыкнуть задом, угодив копытами в грудь еще одного убийцы и одновременно отбив чей-то клинок, Кэрна лихорадочно готовился к тому, что было единственным выходом. Они все еще оставались наконечником копья без древка, нацеленного на холм, где трясся ублюдок в красном. Впереди были тысячи три ифранцев, сзади арцийцев полукольцом обложил Рогге, но Штефан стоял насмерть… Рафаэль видел, что между холмом и предателями оставался небольшой просвет, в котором не было всадников, а толкались лишь пешие арбалетчики.

Садан сможет, его учили! Во имя Святого Эрасти… Рафаэль рванулся вперед, стремясь перехватить нацеленный на друга удар, но Александр управился сам. На место упавшего ифранца сунулся еще один, в желтых доспехах. Саброн?! Сам или кто-то из вассалов? Вот так встреча! Садан вскинулся и ударил чужого коня боевыми подковами, очередной раз спасая хозяина от неизбежной гибели. Рито сжал зубы и, подняв меч, плашмя вломил лучшему другу по голове.

Король ткнулся лицом в черную гриву, «желтый» опешил от неожиданности и, так и не придя в себя, отправился к праотцам, а Рафаэль лихорадочно обрубил поводья Садана, лишая врагов возможности его схватить, – хотя кто удержит под уздцы бурю?! Только б Сандер не пришел в себя раньше времени. Да нет, не должен. В седле держится крепко, стремя не потерял, но лишний ремень все равно не помешал бы… А теперь, Садан, Проклятый тебя побери, все в твоих

руках, тьфу ты, копытах. Скачи, друг, скачи…

– Йехxоо! Талит, Ха, Талит! [13]

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Покойный Обен мог бы гордиться своим внуком, не потерявшим в этот проклятый день головы. Луи понял все. И предательство Рогге, и замысел Сандера, безумный, но единственно возможный, и то, что бывшему авангарду на помощь не успеть. Молодой Хайнц, без разговоров с явным облегчением признавший первенство графа Трюэля, удивился, когда Луи твердо сказал: «Стоим здесь», но кивнул. И они встали на вершине покатого холмика, отражая атаку за атакой, впрочем, это было не так уж и трудно. Лучшие люди Рогге и отряд циалианских рыцарей сцепились с «волчатами», а на долю Хайнца достались ифранские наемники, с уважением относящиеся и к дарнийским секирам, и к собственным жизням. И те и другие понимали, что судьба битвы решается не здесь. Ифранцы вяло шли вперед, словно ленивые южные волны наползали на высокий берег, подгоняемые несильным ветром. Дарнийцы добросовестно отбивали атаки, но в наступление не переходили: для этого пришлось бы спуститься с холма, откуда можно было следить за основной битвой, и удалиться от оврага и леса, который в случае неуда-

---

[13] Но! Вперед, скорее, вперед! *(атэв.)*

чи становился спасением. Луи был слишком Трюэлем, чтобы не понимать очевидного: смерть воина не должна быть бессмысленной. Если король погибнет или будет захвачен, нужно спасти все, что возможно. Спасти, собраться с силами и отомстить.

Ифранцы в очередной раз исполнили свой танец и отошли. Порыв ветра всколыхнул высохшую траву, сорвал с веток одинокого дерева ворох золотистых листьев, разогнал пылевую тучу, зависшую над Гразским полем. Луи никогда не жаловался на свои глаза, но сегодня предпочел бы стать слепым, как крот или сова. «Оленей» оказалось слишком много, а «волчат» – слишком мало, к тому же им пришлось рваться в гору. Из-за расстояния и поднятой пыли Луи никого не узнавал, но не понять, что происходит, было невозможно.

Хайнц, громко вскрикнув по-дарнийски, рванулся к зарослям рябины, где были привязаны кони, но Луи схватил его за плечо.

– Я прошу меня отпускать, – выдохнул наемник, – там есть мой дядюшка остаться.

– Там оба мои брата и все мои друзья, – тихо произнес Луи, – но мы туда не пойдем. Ты отвечаешь за своих людей, а я… Я отвечаю за Арцию.

– Ты будешь твой король покидать и предавать? – Светло-голубые глаза Хайнца от гнева потемнели.

– Я никогда не предам Александра, но мы отступаем. Твой

дядя меня бы понял. Спасать некого, но отомстить мы сможем.

– Да, – дарниец подозрительно шумно втянул воздух, – да, дядя имел говорить мне, что проигранное сражение не есть побежденная война. Прошу меня прощать.

– Да что ты, – перевел дыхание Луи, – все в порядке.

Как же он ненавидел себя за то, что остался жив, что не бросился на помощь сам и удержал других. Но кто-то должен уцелеть, и стать этим «кем-то» выпало ему, графу Трюэлю.

– Монсигнор, – племянник Штефана Игельберга уже взял себя в руки, – я и мои люди есть к ваши услуги. Какие есть распоряжения?

– Прорываемся к мосту через овраг и разрушаем его за собой.

– Но… Так мы будет дорогу нашим друзьям отрезать.

– Хайнц, мы отрезаем дорогу нашим врагам. Наши друзья сюда не прорвутся. Если там кто-то уцелеет, он отступит на юг.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Рафаэль не исключал того, что умрет, но облегчать своим врагам задачу не собирался. Он не дал ифранским рыцарям немедля броситься за Саданом, теперь атэвский красавец будет скакать и скакать, пока не упадет от усталости или

пока всадник не придет в себя. О том, что черногривый не вырвется, Рито не думал. Сделав то, что считал правильным, мириец вспомнил о себе, вернее, о том, что его смерть нужна Тартю, а не Сандеру и не ему самому. Пусть сегодня он прикончит на пяток рыцарей меньше, чем мог бы, зато потом спросит со всех и за все.

Шансов вырваться и ускакать не было. Браво – хороший конь, но не Садан, да и момент упущен. То, что Рито Кэрна сделал потом, могло прийти в голову лишь безумцу или байланте, что, по утверждениям некоторых, одно и то же. Все же он был прав, бросившись в бой в облегченном доспехе… Мириец поднял жеребца на дыбы и, якобы не удержавшись в седле, рухнул вниз, в «падении» оказавшись под брюхом чужого коня, в которое и всадил длинный, заблаговременно обнаженный кинжал. Несчастный конь вместе со своим всадником тяжело свалился на землю, но Рафаэль с кошачьей ловкостью сначала слегка отпрянул от своей жертвы, а затем прижался к хребту еще бьющего в агонии ногами жеребца и повалил на себя оглушенного рыцаря, для надежности всадив тонкий кинжал в прорезь шлема.

Теперь, защищенный и от чужих глаз, и от кованых копыт, маркиз Гаэтано мог ждать конца сражения. И ожидание это стало самым страшным в его безумной жизни.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Несущегося вдоль оврага белого коня с черной гривой Селестин Стэнье-Рогге узнал сразу же. У Садана был только один всадник – король, и он мог быть еще жив, а живой Александр Тагэре – это гибель для Эмраза, Жися и, что самое неприятное, для него, Селестина Рогге. Сам граф бросаться в погоню не стал, он никогда не числился среди лучших наездников, а вешать на себя смерть еще одного любимца Арции было излишним. Ему и так теперь придется ездить в кольчуге, Гразу ему не простят.

Рогге глянул в сторону Тартю, выругался и подозвал капитана своей личной дружины, оставаться без Робера было неуютно, но другого выхода не было.

– Капитан Фэрон! Смотрите, вот там внизу…

– Король?

– Да, убитый король.

– Возможно, он лишь ранен.

– Он МЕРТВ, Робер. Привезете мне тело, и можете считать себя нобилем. Но осторожней с конем, лучше его пристрелить. Садан никогда не любил чужаков, а сейчас наверняка озверел.

Робер кивнул. Единокровный брат Селестина верой и правдой служил дому Рогге в надежде, что родичи оценят

его услуги, – и вот, наконец! Фэрон давно научился понимать своего сюзерена. Все было очень просто: если Александр Тагэре жив, его нужно добить, но поклясться, что короля нашли уже мертвым. Робер предпочел бы исполнить приказ в одиночку, но увы… Догнать атэвского жеребца было делом нелегким. Проще всего прижать его к оврагу и пристрелить, а для этого нужны загонщики. Фэрон взял с собой три десятка всадников из личной охраны брата, не принимавших участия в схватке. Их лошади застоялись и рвались вперед, а Садан, как бы ни был хорош, не мог не устать.

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. МУНТ

Граф Антуан Бэррот подъехал к особняку сына в прекрасном расположении духа. Лучшего и быть не могло, труды многих лет начинают приносить плоды. Все, даже то, что почиталось неудачами, теперь пойдет на пользу Бэрротам, чье происхождение от Филиппа Третьего, хоть и по женской линии, не вызывает сомнений. Еще год или два – и он увидит корону Арроев на красивой, хоть и пустой башке старшего сына.

– Где виконт? – Граф не спеша слез со спокойной, красивой лошади. В полосу везения нужно быть особенно осторожным, сломанная нога ему сейчас не нужна.

– Сигнор Артур у сигноры Дариоло.

– Доложи. – Антуан любил церемонии; кроме того, полезно заранее приучить остолопа к тому, что каждый его шаг расписан на неделю вперед. Все-таки удачно вышло, что его дурак женился на дочке мирийского герцога и сестре любимчика, будем надеяться, уже покойного горбуна. И дело не в черных очах и высокой груди мирийки, при виде которой бес толкнет под ребро кого угодно, – дело в крови. Кэрна – не безродные Вилльо, а дружба Рафаэля с Александром, которого будут усиленно оплакивать, тоже пойдет в дело. Сейчас главное – убрать Артура с Даро из столицы до того, как заявится Тартю. Пусть себе правит год или два, кошачье отродье, жрущее из рук ифранцев, скоро он встанет поперек горла всем, и тогда придет черед Бэрротов.

Север поднимется против узурпатора, а в Мунте бланкиссима примет свои меры. Хорошо бы вывезти из Мунта дочку горбуна, сына не стоит, он хоть и бастард, но – Тагэре. Те же Мальвани могут сделать ставку на Шарло, а это не дело, зато Катрин можно выдать замуж за Жана. Ну и что, что жених старше невесты на двадцать лет, кто при заключении династических браков на это смотрит? Да, маленького Шарло «спасти» не удастся, а все остальное устроит Пьер, на него можно рассчитывать, никакого воображения у человека. Первое, за что он возьмется, возложив на свою унылую башку корону, – это поборы да убийства – тайные и явные. Дети дома Тагэре, законные они или нет, ему не нужны…

Проклятый! Да не успеет пройти зима, как можно будет

во всю глотку орать, что кровь детей взывает к отмщению. Лось и северные нобили – люди простодушные, а он им скажет… О, он скажет, что никогда не любил кровопролития и старался быть вне политики, но чаша терпения переполнилась даже у него. Он не может видеть на троне Волингов кровавого ублюдка (такое заявление должно понравиться)!

Бэрроты поднимут знамя с нарциссами Тагэре, сказав, что никогда ни о чем подобном и не помышляли, но кровь Анны Ларрэнской, кровь Арроев стучит в их сердца… За Артура можно не беспокоиться: этот дурень пойдет на все, чтобы отомстить за своего обожаемого короля и брата обожаемой же жены – Кэрна неминуемо сложит свою взбалмошную башку рядом с Александром.

Через пару лет никто не вспомнит, что Рафаэль отрекся от сестры, ведь горбун сам отвел Даро к венцу. Шарлотта говорит, после смерти законного сына горбун написал завещание, в котором назначил наследником сына Жоффруа, а не своего бастарда – дескать, кошачьи лапы не должны пятнать королевский герб. Это станет кличем повстанцев. Это и память Тагэре!

– Ваше сиятельство, его и ее милость ждут вас в Овальной гостиной.

Долго шли, улыбнулся про себя его сиятельство, похоже, были не совсем одеты. Артур выполняет супружеский долг честней некуда, впрочем, его можно понять…

По красивому лицу сына было видно, что он предпочел

бы, чтоб отец заявился попозже. Даро часто дышала, а губы были густо намазаны малиновым кремом, похоже, супруг опять зацеловал ее до крови.

– Развлекаетесь, дети? – улыбнулся граф. – Скоро у вас для любви будет больше времени: в деревне, да еще зимой делать больше нечего.

– В деревне? – удивился Артур. – Мы туда не собираемся. Я служу королю, я – капитан гвардии, мое место – здесь!

– Заткнись, – отрезал отец, – я не хочу, чтоб ты потерял свою дурную башку, хоть она и годится только женщин восхищать… Ничего, короны и не на таких тыквах сидели.

– Корона? – Глаза сына широко раскрылись. – Государь еще молод, у него будет супруга и наследники, а…

– Не будет, – махнул рукой Антуан.

– Что?! – Сын схватился за меч. – Что случилось?!

– А случилось то, что Тагэре мертв и большинство его рыцарей тоже. Через три дня Пьер Тартю будет в Мунте, и нам нужно уносить ноги. Теперь главной помехой на пути лумэновского ублюдка будем мы.

– Пьер победил Александра?! – выкрикнул Артур. – Да не будет этого, скорее жаба перьями обрастет.

– Вот и говори, что ты не дурак, – рассердился старый граф, – разумеется, Александр размазал бы недоноска по стенке, но фронтерцам заплачено, Рогге хочет видеть пасынка на троне, а себя – с канцлерским ключом. Основная армия – на ифранской границе, а северных баронов король с

собой не взял, Ноэль с Тодором не дали, да и незачем было. Понимаешь теперь?

– Стэнье предал? Проклятый! Ну и осел! Но он тоже хорош, знал же, что Артур молится на горбуна, нужно было начать с другого.

– Как бы то ни было, против короля оказались Тартю, Стэнье и Жись Фронтерский. У Александра полторы тысячи, да и то в лучшем случае, если дарнийцы не уйдут. У Эмраза хватит ума не брать Тагэре живьем, да тот и сам не сдастся. Такие не сдаются… Крепись, сын. Александра теперь сам Проклятый не спасет!

– Отец, – в больших глазах Артура мелькнуло что-то, от чего канцлеру стало страшно, – отец, откуда ты это знаешь?!

Нет, это не Артур – дурак, а он сам. Даже сынок может сложить два и два и понять, что отец замешан в заговоре. Знал, а не предупредил…

– Я узнал только что… Бланкиссима Шарлотта, она…

Даро слушала жуткий разговор молча. Предчувствие, нахлынувшее на нее, когда она смотрела в спину брату и любимому, не обмануло. Они мертвы или умирают. Оба! А люди, сломавшие ее жизнь, люди, которым она отдала себя, спасая Александра, говорят о короне, о наследстве, об отъезде… Они живы, а Александр погиб, так и не узнав, что она его любит; погиб, потому что один Бэррот хочет надеть корону на другого. Антуан знал о предательстве, знал и позволил ему свершиться, хотя Александр всегда был к нему добр.

Ненависть и отчаяние затопили сердце Даро, вытеснив из него даже страх перед Вечным наказанием. Александр погиб, а тут примеряют его корону. Рито мертв, лежит рядом с другом, которого не смог защитить, а старый Бэррот хочет, чтоб они бежали. Он знал, он все знал, как и циалианки, и Вилльо…

Александр со всеми был честен, он не мстил, совсем не мстил, для него главным было прекратить войну нарциссов. Он отпустил этого борова Клавдия, Рогге, Элеонору, шлюху Эжени, всех, кого можно и нельзя. Калватор вещает: прощай врагов, не убий! Сандер прощал, а Триединый его предал точно так же, как и его сигноры… И никто не вступился. Не помог…

Дариоло свято верила Церкви. То, что она с ужасом бежала от Дафны, не повредило ее детской вере в справедливость Господа. Даже разлуку с Александром мирийка восприняла как кару за свои грехи, но теперь, теперь она ненавидела Триединого сильнее, чем кого бы то ни было. Ненавидела и проклинала со всей силой отчаяния. Ей больше не было дела до того, что станет с ее душой, она не хотела ни блаженства в посмертии, ни жизни вечной, все слилось в одну сплошную боль. Александр! Рито! Те, кто позволил им умереть, виновны. И больше всех – бланкиссима и Антуан! Смерть им! Она, Дариоло Кэрна, добровольно отдает себя в руки Зла, пусть завладеет ее жизнью и смертью, ее душой и телом, но Александр должен быть отомщен…

Мирийка не представляла, как именно нужно взывать к Проклятому, знала только, что это возможно, – и она воззвала. Женщина не разжала губ, но ее мысленный крик, полный решимости и отчаяния, прозвенел в ушах словно бы со стороны, а потом наступила тишина. Звуки исчезли, и Дариоло могла лишь смотреть на мужа и свекра; те яростно спорили, их губы шевелились, лбы морщились. На лице Антуана выступили отвратительные бисеринки пота, Артур с искаженным мукой лицом что-то кричал, но она ничего не слышала…

Даро не сразу поняла, что на нее со всех сторон наползает тьма. Мирийка смотрела словно сквозь печную трубу, которая становилась все уже и уже, затем последовала вспышка – и женщина увидела Артура. Смертельно бледный, с отчаянным, решительным лицом, он рывком распахнул серую каменную дверь и шагнул в багровый закат с обнаженным мечом в руке. На клинке вспыхнул и погас алый свет; это последнее, что заметила Дариоло, прежде чем ее подхватило и понесло.

Страшно ей не было – скорее приятно, чувство полета захватило женщину; сквозь овладевшую ей дрему она припоминала, что случилось что-то очень плохое, но не могла вспомнить, что именно, а потом ветер бережно опустил ее на траву, и тьма отступила.

Она сидела под деревом, его ветви клонились под тяжестью красных ягод. Вечерело, впереди расстилалась широ-

кая поляна, почти луг, а дальше вставали деревья, сквозь которые просвечивало алое солнце, и на него можно было смотреть. Стройный темноволосый человек подошел к ней и опустился на одно колено. Рито! Нет, хоть и похож, очень похож… Она его уже встречала когда-то. Очень давно.

Даро ответила золотистому взгляду робкой улыбкой, и в ответ из глаз пришельца излилось такое тепло, что женщина позабыла обо всех своих тревогах. Она была счастлива и свободна. Это был ее дом, ее приют, пронизанный любовью и покоем. Как же здесь хорошо. И эти ягоды, и предосенний вечер, и горьковатый полынный запах, и алый отсвет заката шепчут о том, что беды, несправедливости, обиды – позади. Сейчас за ней придут. Александр придет, он все знает, он простил и понял, они будут вместе. И Рито тоже вернется, ей больше незачем лгать, скрывать, прятаться… Они уже в пути, они скоро будут здесь, а она подождет, сколько нужно.

Ждать их под этим деревом – что может быть прекраснее? Странно, что так слипаются глаза, но здесь ей ничего не грозит, а Александр так любит смотреть на нее спящую…

2895 год от В.И. 10-й день месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Бой или закончился, или откатился в сторону, но время мародеров еще не наступило. Самая пора уходить – и Рито Кэрна, с силой оттолкнув ставшее ненужным чужое тело,

выбрался из своего укрытия. Никаких чувств мириец не испытывал, вернее, не позволял себе испытывать. Сандер или жив, или мертв, но искать его – дело безнадежное, равно как и друзей. Нужно делать то, что в твоих силах и что за тебя не сделает никто другой. Байланте приподнялся на локтях и выглянул из-за конского трупа. Вдалеке кто-то маячил, но в его сторону не смотрел. Скоро сюда заявятся клирики в поисках раненых, да и все, кому не лень, – в надежде поживиться; но пока ублюдки толкутся возле победителя, чтоб ему… Рито, пригибаясь и используя для прикрытия каждую ложбинку, побежал к запримеченному утром оврагу.

До этого дня Рито Кэрна ненавидел лишь единожды. Циалианка Дафна отравила его детство и юность, и он убил ее. Но это была другая ненависть. Похожая на камбалу ведьма была злобной и опасной, она погубила Ренату, искалечила жизнь отцу, подбиралась к Даро, пыталась вредить и ему, между ними шла война не на жизнь, а на смерть. В конце концов он убил ее, и вместе с Дафной умерли и ненависть, и прошлая жизнь. Затем был побег, встреча с Александром, бесконечные войны и походы. Он убивал, не зная кого, шел вперед то с мечом, то со шпагой, ни о чем не задумываясь и ни о чем не жалея. Смерти он не боялся, он и сейчас не боится, но суть ее понял лишь сегодня. На Гразском поле. Одуэн, Ювер, Никола, Эжен, молодые Крэсси – все они остаются здесь, а он уходит, бросая друзей на растерзание мародерам и воронам. Он не может избавить их от этого, разве

что умереть, защищая трупы, но маркиз Гаэтано не станет этого делать. Потому что живому пристало думать о живых.

– Сандер жив, жив, жив, – твердил мириец назло наползающей пустоте. Сигной Кэрна было пылающее сердце, и Рафаэлю казалось, что у него внутри и впрямь все опалено. Даже разрыв с отцом, даже подлость Даро не разучили его улыбаться и любить жизнь, танцуя со смертью. Он не думал, что может быть такая боль и такая ненависть…

Вот здесь он, пробиваясь к Сандеру, заметил чалого Ювера. Жеребец был без седока и весь залит кровью. Странно, как он запомнил это место, ведь тогда в мыслях было одно – успеть! Да, именно тут. Вот рухнувший поверх коня рыцарь в броне с алой насечкой, и рядом Белый. Где-то здесь… Рито понимал, что нужно спешить, но принялся торопливо переворачивать убитых. Один из ифранцев был ранен, и мириец его добил, не испытав при этом ничего. И почти тотчас нашел Этьена Ландея. Выходит, он прикончил его убийцу?

Поэт где-то потерял шлем, его лицо в смерти приобрело сосредоточенно-нахмуренное выражение, каштановая челка прилипла к высокому лбу, на руке виднелись обрывки голубого, шитого серебром шарфа. Последней любовью Этьена была младшая сестра Никола, и, кажется, на сей раз это было серьезно. Рито, непонятно зачем, коснулся шелкового лоскута и побрел дальше. Антуана и Франсуа он узнал по доспехам, кузены Крэсси захватили на тот свет изрядный эскорт, а рядом с переломанным позвоночником лежал светловоло-

сый мальчик, который предупредил о предательстве. Он был еще жив, и это было хуже всего. Юный рыцарь упал с коня, и по нему пронеслась чья-то лошадь. Рито встал на колени и снял с бедняги шлем.

Байланте неплохо разбираются в ранах. Паренек был обречен, ему оставалось несколько часов мучений, и – Проклятый! – он был в сознании. При виде Рафаэля в карих, теплых глазах сверкнула надежда, отдавшаяся в сердце мирийца еще одной болью. Рито ласково и безмятежно улыбнулся и со словами: «Все будет хорошо, все теперь будет хорошо» – с силой надавил бьющуюся на шее юноши жилу. Когда-то старый Лючо показал сыну герцога Энрике, как это делается. Байланте должен знать, как освободить товарища от ненужных мучений. Паренек дернулся и затих. Маркиз Гаэтано, сам не зная почему, поднял его на плечи и понес. Друзей он оставлял без могилы, но они были старше, а этот юноша, пришедший к ним для того, чтобы умереть… Он не мог его бросить здесь, одного.

Тащить закованное в броню тело было тяжело и неудобно, а мириец не обладал силой Одуэна или Штефана, но шел, старательно глядя под ноги. В этот миг Рафаэль Кэрна был прекрасной мишенью и легкой добычей, но судьба упрямо продолжала ему покровительствовать. Ювера он больше не искал, но нашел, причем совсем не там, где думал. Видно, чалый, потеряв всадника, отбежал в сторону. Брата Луи убили секирой. Страшный удар раскроил и шлем, и череп. Рито

немного постоял над телом, но опускаться на колени и переворачивать не стал, боясь уронить свою ношу. Все было ясно и так. Рядом с виконтом валялся скомканный молочно-белый плащ. Циалианский рыцарь… Вряд ли он когда-нибудь узнает, кто именно убил Ювера, что ж, придется спрашивать со всех рыцарей Оленя. Убийцей может оказаться любой, и поэтому он не станет щадить никого.

Налетел ветер, пошевелил перья на шлеме мертвого воина в синем. Свой, но кто? Его Рафаэль не знал, а Эжена Трюэля так и не нашел, видно, битва разметала братьев. Мириец стиснул зубы и потащился дальше, обходя мертвых лошадей и переступая через человеческие тела. Несколько раз ему попадались раненые ифранцы и люди Рогге, но он больше на них не отвлекался. Он вообще ни на что не отвлекался, пока не увидел Штефана Игельберга, окруженного целым валом изрубленных тел. Хайнц, если он выжил, теперь барон, и ему больше не придется, открыв рот, внимать поучениям дядюшки. Бедный Хайнц, он так любил Штефана…

Рядом со своим капитаном, уткнувшись головой в его сапоги, лежал еще один дарниец. Рито вспомнил, как его звали: Флак. Йозеф Флак из Альтпверде. Какое-то время маркиз Гаэтано бессмысленно смотрел на убитых, затем бережно положил свою ношу рядом с Йозефом.

Стараясь укрыться за мертвой лошадью, Рито снял свои диковинные доспехи и надел дарнийские шлем, кирасу, поножи и плащ. Так легче путешествовать: Рафаэль Кэрна –

слишком заметная фигура… При Штефане был его знаменитый кошель и подаренное Александром кольцо. Рафаэль взял и то и другое, чувствуя, как в груди, отодвигая тяжелую, холодную пустоту, поднимается запредельная ярость. Дарнийские наемники умерли, как рыцари. А те, кто носил рыцарские цепи, изменили, словно последние шлюхи. Нет, хуже! Онорина и ее товарки никогда бы не сделали то, что Рогге, но он свое получит. Что-то заставило Рито рывком обернуться. Никого… Солнце стояло еще высоко, заливая округу беспощадным светом; мириец огляделся, узнавая окрестности. Гразская пуща, лента дороги, глубокий, заросший кустами овраг, по дну которого бежит речушка, как же ее зовут? Неважно. Ему в любом случае туда. Там можно напиться и умыться, а затем низом добраться до деревеньки, в которой они с Луи были вечером. Там он украдет лошадь. Именно украдет, потому что крестьянам незачем видеть его мирийскую физиономию.

Кэрна вновь взвалил на плечи безымянного юношу и поволок к спасительному оврагу. Лючо смеялся, что молодой сигнор быстрее смерти. Может, и так, но смерть сегодня вакладе не осталась.

Вот и овраг. Осины в своем извечном ознобе, алые ожерелья рябин, звон ручья… Тихо и покойно. Склон был слишком крут для большинства людей, но не для байланте, выросшего в Рорских скалах. Рафаэль со своей невеселой ношей уверенно спустился вниз, и роскошная осенняя чаща

приняла его в свои объятия.

Маркиз Гаэтано похоронил мальчишку, вырыв яму подаренным Сезаром у стен Кер-Септима атэвским кинжалом. Кер-Септим… Какими веселыми и удачливыми они тогда были. Они полезли в пасть Проклятому – и вернулись с победой. Не погиб никто, хотя то, что они учудили, было безумием. Тогда вернулись все, все… А сегодня из боя вышел он один… Вышел без единой царапины, чтоб тебя…

Рыть настоящую могилу не было ни сил, ни времени. Рафаэль ограничился неглубокой ямой среди рябин, немного подумал и вложил в мертвые руки ветку с алыми ягодами, поцеловал убитого в лоб и кое-как забросал глиной и ветвями. Сквозь алую листву пробился луч заходящего солнца. Проклятый, ну и руки у него! Прямо как у Творца, слепившего первого из людей, замешав землю на своей крови.

Кэрна добрел до текущей по дну оврага речушки, ополоснул руки и лицо, напился, глянул на залитый кровью сапог, не выдержал и, сорвав с одежду, кинулся в холодную, отдающую болотом воду. Если б можно было смыть еще и боль, и память! Мириец вышел на берег, прислушался и ничего не услышал. Если кто-то и побывал в овраге, он ничем не выказал своего присутствия. Одеваясь, Рафаэль пытался думать. Разум подсказывал одно, сердце – другое. Уцелевшим сторонникам короля Тагэре судьба оставила на выбор две дороги – на север, в Гвару, и на юг, в Оргонду. Он к тому же мог вернуться домой к отцу или попытаться разыскать вечного

капитана. Но Рафаэль знал, что прислушается не к здравому смыслу, а к той звенящей струне, что вела его по жизни от боя к бою, от безумия к безумию. Он пойдет в Мунт и посмотрит, что можно сделать там. Вдруг дурак Артур жив и скрывается? Нет, на это он не способен, но его могли схватить и где-то запереть. И еще были дети и эта кошка Даро…

2895 год от В.И. Вечер 10-го дня месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

Оруженосцев почти не осталось, и рыцари сами помогали друг другу; многие были ранены, другие просто смертельно устали. Вечерело, звенел ручей, шелестели ветви. Давший им приют лес жил своей жизнью, белкам и зябликам не было дела ни до смерти Александра, ни до того, что юный Жан ре Гри, которого вытащил на себе Хайнц, умирал. Луи, прихрамывая совсем как Александр и ненавидя себя за это, подошел к мальчишке; тот смотрел на небо невидящими глазами и что-то шептал. Трюэль наклонился и услышал, что оруженосец зовет своего короля.

– Скоро они будут встречаться. – Дарниец, опустившись на колени рядом с юношей, пробовал его напоить, но вода текла по подбородку и шее, смешиваясь с кровью, оруженосец что-то еще прошептал и затих…

Луи промолчал. Было странно смотреть на длинного

Хайнца сверху вниз, и арциец присел рядом. Проклятый, как же он устал.

– Вы есть раненный в голову, и новая перевязка необходима есть, – тусклым голосом сказал племянник Штефана Игельберга, – мы не имеем медикуса, но я готовый вам помогать.

– Спасибо, Хайнц, от таких царапин не умирают.

– Умирают, если они оставаются грязными. – Обстоятельность и упрямство было, видимо, у этой семейки в крови. – Я настаиваю на немедленном перевязывании и промывании. Мы нуждаемся в здоровом вожде.

– Вожде?

– Вы имели во время боя сказать, что отвечаете за Арцию. И это так. Мы ждем приказаний.

Луи покорно дал себя перевязать. Дарниец был прав, рана могла загноиться, это было ни к чему. Хайнц, закончив возиться, не ушел, Трюэль понял: наемник ждет вопросов и распоряжений – и спросил первое, что пришло в голову:

– Сколько нас?

– Под моим началом остается триста шестьдесят четыре человека, из которых семьдесят два ранены, двадцать девять тяжело, – сообщил племянник Штефана. – С нами четыреста семь лучников, почти совсем не имеющих стрел, пятьдесят четверо пеших и утративших своих коней и двадцать три легких конных воина. Среди них также есть достаточно раненных, но легко.

– Хайнц, прикажите всем отдыхать, а нобилей и командиров соберите здесь, скажем, через ору.

Наследник Игельберга встал, старательно отдал честь и исчез за кустами. Он обрел нового начальника, и мир для него вновь встал с головы на ноги. Луи Трюэль дарнийцу тихо позавидовал.

Он никогда не боялся ответственности, дед его считал толковым, да и Александр прислушивался к его словам, – но это было совсем другое. Луи умел думать, но не то чтобы не умел, но не любил приказывать. Железный тон и властность были не по нему, но теперь придется. Арциец еще раз глянул на мертвого оруженосца, встал, как мог, поправил изорванную одежду, пригладил растрепавшиеся волосы, зачем-то коснулся меча.

Итак, граф Луи Трюэль, на твою голову свалилось восемь с лишним сотен человек, не желающих смириться с поражением. Для начала придется их удержать от глупостей, а потом… Луи бы дорого дал за то, чтобы сказать – потом мы пойдем туда-то к тому-то, и он нам скажет, как надо. Вообще-то Сезар вполне для этого годился. Мальвани – Волинг, хоть и по женской линии, лучший друг Александра, отменный полководец, чего уж лучше! Но он в Оргонде, до которой надо еще добраться. Сейчас, когда «паучата» с помощью Тартю покончили с арцийской угрозой, они займутся Лиарэ. Мальвани и Марта так просто не сдадутся, но им будет не до Арции, самим бы кто помог… Нет, в Оргонду идти не сто-

ит… А что бы сделали дед и Сандер? И о чем бы спросил Ювер? От мыслей о братьях стало вовсе худо, но Луи сжал зубы и постарался взглянуть на происшедшее глазами Ювера. Тот умел замечать очевидное…

– Монсигнор, мы явились согласно вашему приказу.

Он не монсигнор! Трюэли и графами-то стали всего лет двадцать назад, но сейчас это неважно. Луи медленно поднялся навстречу полутора десяткам человек, которых Хайнц счел достойными присутствовать на совете. Сам дарниец с серьезным видом встал за правым плечом нового предводителя. Луи оглядел измученные лица с нехорошо блестевшими глазами. Так он и думал: в этих упрямых башках лишь ярость и мысли о мести. Те, кто хотел удрать, удрали, остались готовые умереть за проигранное дело. Благородно, но глупо.

Граф Луи-Анатоль-Обен Трюэль поправил рыцарскую цепь на шее.

– Господа, прошу садиться.

Этого они не ожидали. Спокойный, деловой тон. Именно так Александр разговаривал с Лосем и его обалдуями в начале наботской кампании. Тем тоже хотелось драться, драться и еще раз драться, а не думать.

– Господа. – Граф еще раз обвел всех строгим взглядом. Эх, жаль, глаза у него карие, а не серые, как у Сандера. В серых глазах что-то есть, что-то, заставляющее подчиниться. – Нам нужно понять, что произошло, и начать действо-

вать. Мы не можем оставить Арцию этому ублюдку.

– А как мы ему помешаем? – Морис ре Шаотан, под началом которого были лучники, горько усмехнулся. – Они победили, завтра у наших замков будут новые хозяева. Разве что мы догадаемся приползти на брюхе к Эмразу и просить его о прощении…

– За верность законному королю? – Глаза незнакомого Луи воина без консигны нехорошо блеснули. – Думай, сигнор, что говоришь!

– Я думаю, – отозвался Морис, – и я на поклон к Тартю не пойду.

– Мы не предадим Александра, – угрюмо кивнул барон Латен, примкнувший к ним с полутора десятками конных арбалетчиков, – ни живого, ни мертвого. Пусть мы его не вернем, да и Пьера нам не осилить, но Стэнье мне ответит. Даже если это будет мой последний бой.

– Правильно. – Шаотан гордо вскинул голову. – Нас не так уж и мало, если умело отсечь какой-то отряд, мы им еще покажем.

– И поляжете, навсегда избавив Тартю от опасности, – Луи Трюэль прямо посмотрел в лицо незнакомому воину; отчего-то казалось, что, убедив его, он убедит и других, – нужно уходить туда, где нас никто не достанет, набраться сил, получить помощь, а потом уж и спрашивать. Со всех и за все… Стэнье подождет.

– Вы правы, сигнор, – как-то так вышло, что другие предо-

ставили незнакомцу право говорить от их имени, – мы пробьемся на север в Тагэре и поднимем людей.

– Как тебя зовут?

– Андре Вобан.

– Останешься со мной. Теперь о том, куда идти. Эмраз ждет, что мы пойдем в Тагэре. Ублюдок – не воин, но он подлец, да и советчики у него – гаже не придумаешь. Они наверняка уже позаботились о заложниках. Если мы пойдем в Эльту, у нас на пути встанет армия. Если мы прорвемся, будет погоня. У нас нет сил для решающей битвы, нет крепости, которая вместит всех и выдержит долгую осаду. А если нам начнут передавать приветы от близких из Замка Святого Духа?

Нет, мы пойдем по следам удравших фронтерцев и, если удастся, отвернем им головы, а потом свернем в Гвару. Там Лось и кардинал Мальвани. Поднимать Эстре, Мальвани и Тагэре оттуда легче.

– Это есть правильные слова, – раскрыл рот Хайнц, – но нам нужно быть быстрыми, чтобы нас не догоняли.

– Не думаю, что Пьеру сейчас до нас, а когда он очнется, мы будем далеко. Выступаем за ору до рассвета. А сейчас отдыхать. Хайнц, вы тоже идите.

– Слушаюсь, монсигнор. Я имел поставить для вас палатку за тем оранжевым деревом, имени которого я не знаю.

В этом был весь дарниец. Тащить с собой палатку и ни о чем не спрашивать, пока сами не объяснят. Неужели его ве-

ликолепный дядюшка мертв? Пока известно лишь о смерти Рито. Мириец мог упасть с коня лишь мертвым, а забрызганный кровью Браво без седока бродил у оврага, пока его не поймали. Кэрна погиб, но остальные? Луи понимал, что шансов на спасение у тех, кто бросился сломя голову на лумэновские тысячи, нет, но ведь порой случаются и чудеса.

2895 год от В.И. Вечер 10-го дня месяца Собаки
АРЦИЯ. ГРАЗА

– Граф, вы заставили нас ждать, – в голосе Пьера Тартю сквозило недовольство, – мы даже усомнились в вашей преданности.

– Ваше Величество, – Селестин Стэнье-Рогге почтительно преклонил колени и под ироничным взглядом ифранцев и «пуделя» Гризье, по глупости покойного Филиппа ставшего графом Мо, облобызал протянутую ему вялую руку, – я ждал нужного момента. Маршал Аршо, как полководец, был должен это понять.

– Мы понимаем.

«Мы»… Тагэре терпеть не мог всяческих монарших штучек, а пасынок… Правду говорят, каждый новый король хуже предыдущего, хотя из Пьера король что из крысы волк. Граф Стэнье внезапно понял, что ненавидит и боится сына Анжелики. А тот через несколько ор после добытой чужими

руками победы заговорил так, словно родился на троне. Селестин был стреляным воробьем и понимал, что это плохая примета.

– Ваше Величество, я сделал все, что в моих силах.

– Мы ценим ваши услуги.

Опять «мы». Неужели кошкин сын теперь любую фразу с этого слова начинать будет? Но игрушки, похоже, закончились. Пасынок – трус и дерьмо, но соображает быстро. Нет, зря он в это ввязался, быть канцлером при таком короле – ходить по канату.

– Мы довольны тем, как вы сражались с узурпатором, и выражаем вам свою благодарность. С сего дня граф Стэнье-Рогге назначается маршалом Арции.

Селестину показалось, что он ослышался. Маршалом?! Не канцлером! Конечно, Александр был и маршалом, и королем, а Пьер про войну знает только, что на нее шлем нужно надевать. Без маршала ублюдку не обойтись, но почему он выбрал его, Рогге?! Это не награда, а камень на шее, потому что победы король присвоит, а поражения свалит на маршала. А поражения будут. Гартаж и Мальвани воевать умеют, да и на севере хлопот хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.